Джентльмены и игроки

Автор:
Джоанн Харрис

Джентльмены и игроки

Джоанн Харрис

Магия жизни

Привилегированная школа Сент-Освальд всегда славилась безупречным порядком и исключительным благонравием. Трудно даже представить, что здесь может произойти нечто дерзкое, возмутительное, вопиющее. Однако это происходит. Начинается с каких-то мелких недоразумений, но постепенно события нарастают как снежный ком. Против Сент-Освальд ведется тайная война, ведущая к ее полному разрушению. И никто не знает, что корни происходящего уходят в прошлое, когда страдающий ребенок твердо решил отомстить школе за свое унижение.

Джоанн Харрис

Джентльмены и игроки

Посвящается Дереку Фраю, представителю старой школы

Когда уходит с поля старый крикетист, никто не знает, что с ним дальше станет, но, может быть, заметишь краем глаза ты, как под ударом встал двенадцатый, а там, быть может, Джефф, а может быть, и Джон, сменивший мяч на жало под конец, а может, это я, а может быть, и ты…

Рой Харпер. Когда уходит с поля старый крикетист

Всякая школа – это немного бойня.

Джеффри Уильямс. Долой школу!

Пешка

1

За последние пятнадцать лет мне удалось сделать одно открытие. А именно: убийство – плевое дело. Это граница, такая же нелепая и произвольная, как любая другая; черта, проведенная по земле. Как здоровенный знак по дороге к «Сент-Освальду» «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», расставивший в воздухе ноги, словно часовой. Когда мы встретились впервые, мне было девять лет и он угрожающе навис надо мной, будто злобный школьный хулиган.

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

ДАЛЕЕ ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ

Другой ребенок, возможно, испугался бы такого запрета. Но у меня любопытство взяло верх над инстинктом самосохранения. Что за «пропуска»? Почему только «далее»? И главное, что случится, если я все-таки пройду?

Конечно, мне уже было известно, что школа закрыта для посторонних. К тому времени мы прожили под ее сенью полгода, и это стало одной из главных заповедей моих детских лет, которые вдалбливал Джон Страз. «Не будь неженкой. Следи за собой. Игре и работе отдавайся до конца. Глоток-другой еще никому не повредил». И главное: «Держись подальше от “Сент-Освальда”». Порой он добавлял для внушительности: «Держись, черт подери, подальше, если жизнь дорога» – или же предостерегающе бил по плечу. Понятно, что эти удары считались дружескими, но все-таки было больно. Воспитатель из Джона Страза

был никудышный.

Так или иначе, первые месяцы приходилось подчиняться безоговорочно. Папа очень гордился своей новой работой смотрителя – чудесная старая школа, безупречная репутация, и мы будем жить в Старой Привратницкой, где жили до нас целые поколения смотрителей. Летом по вечерам будем пить чай на лужайке, и начнется замечательная жизнь. И может быть, увидев, как нам хорошо, когда-нибудь вернется мама.

Шли недели, но ничего такого не происходило. Привратницкая оказалась памятником архитектуры, правда третьестепенным, с крохотными зарешеченными оконцами, едва пропускавшими свет. Там никогда не выветривался запах сырости, и нам не разрешили установить спутниковую антенну, чтобы не нарушить стиль. Мебель там была в основном «Сент-Освальда» – тяжелые дубовые стулья и пыльные кухонные шкафы, рядом с ними наши пожитки с Эбби-роуд, которые удалось сохранить, казались жалкими и неуместными. Отец работал с утра до ночи, и мне вскорости пришлось полагаться на себя – заказывать доставку готовой еды или чистого постельного белья из прачечной (тут меня снова записывали в неженки), не беспокоить отца по выходным и всегда запирать свою комнату в субботу вечером.

Мама нам не писала; любое упоминание о ней тоже означало, что я неженка; и вскоре ее лицо начало стираться из памяти. Впрочем, отец прятал под матрасом флакон ее духов, и, когда он был на обходе или отправлялся с приятелями в «Саперы», можно было пробраться в его спальню и побрызгать этими духами – они назывались «Синнабар» – свою подушку. А потом представлять себе, что мама смотрит телевизор в соседней комнате или наливает для меня молоко на кухне и вот-вот вернется, чтобы почитать мне что-нибудь. Глупо, конечно, ничего такого она не делала, когда жила с нами. А потом папа, наверное, выбросил этот флакон – в один прекрасный день он исчез, и даже ее запаха у меня теперь не осталось.

Приближалось Рождество, а с ним плохая погода, и работы у папы прибавилось. Чай на лужайке мы так и не пили. С другой стороны, мне – диковатому ребенку, необщительному, незаметному в школе, – было хорошо. Весь первый семестр моя жизнь текла в одиночестве – уйти из дома, играть в заснеженном лесу за «Сент-Освальдом» и исследовать каждый дюйм по периметру школы, не нарушил ли кто границу.

Выяснилось, что большая часть школьной территории снаружи не видна: главное здание скрыто липовой аллеей – теперь по-зимнему голой, – которая окаймляет подъездную дорогу, а земля прячется за стенами и живыми изгородями. Но через ворота виднелись лужайки, безупречно подстриженные отцом, крикетные поля, окруженные аккуратными рядами кустов, часовня с флюгером и надписями на латыни. А дальше, за всем этим, простирался мир, неведомый и далекий, как Нарния или страна Оз, – мир, который никогда не станет моим.

Моя начальная школа называлась «Эбби-роуд», приземистое маленькое здание, стоящее на муниципальной земле, с игровой площадкой на ухабистом склоне и двумя воротами с надписями «МАЛЬЧИКИ» и «ДЕВОЧКИ» на потемневшем камне над ними. Мне никогда там не нравилось, но еще страшнее казался переход в «Солнечный берег», громадную среднюю школу, к которой меня приписали по месту жительства.

С самого первого дня в «Эбби-роуд» обитатели «Солнечного берега» не вызывали у меня ничего, кроме уныния: дешевые зеленые фуфайки с названием школы на груди, нейлоновые рюкзаки, окурки, лак для волос. Они меня возненавидят, тут нет никаких сомнений. Стоит им только взглянуть на меня, и они меня возненавидят. Это сразу почувствовалось. Тощий недоросток, исправно сдающий домашнюю работу, – да «Солнечный берег» заглотит меня целиком.

Мои вопросы вконец достали отца:

– Почему? Почему в «Берег»? Почему туда?

– Не будь неженкой. «Берег» – вполне нормальная школа. Все они одинаковы.

Ну вот это неправда. Даже я понимаю. И это будило любопытство, это возмущало. А теперь, когда весна спешила на голую землю и на терновых зарослях высыпали белые бутоны, мои глаза вновь обратились на эту надпись – «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» – старательно выписанную рукой отца, и снова вопросы одолевали меня: по каким таким пропускам? почему именно отсюда «воспрещен», а не оттуда? И с возрастающим нетерпением: что случится, если я перейду эту черту?

Здесь нет ни стены, ни другой видимой границы. Незачем. Просто дорога, вдоль нее – терновые заросли, и в нескольких ярдах слева – этот знак. Высокомерный, не терпящий возражений, уверенный в своей власти. А за ним – опасная неизведанная территория. Там тебя может поджидать все, что угодно: мины, ловушки, охранники, скрытые камеры.

Нет, с виду все кажется невинным, точно так же, как и с этой стороны. Но знак говорит о другом. За ним – порядок. Власть. Всякое нарушение этого порядка влечет за собой наказание, таинственное и страшное. В этом нет ни малейших сомнений; все так просто, и от этого предчувствие угрозы только усиливается.

И вот я сижу на почтительном расстоянии от границы и разглядываю запрещенную территорию. Странно, но сознание того, что здесь наконец установлен порядок, успокаивает. За пределами «Солнечного берега» – полицейские машины, граффити на стенах, мальчишки швыряют камни в автомобили. Я слышу, как они кричат на учителей, выходящих из школы, вижу служебную автостоянку, щедро опутанную колючей проволокой.

Однажды у меня на глазах четверо или пятеро загнали в угол одного. Мальчишка был на несколько лет старше меня и одет лучше большинства обитателей «Берега». При взгляде на библиотечные книги у него под мышкой мне стало ясно, что его изобьют. В таком месте, как «Солнечный берег», любители чтения всегда были законной добычей.

«Сент-Освальд» – совсем другой мир. Здесь нет места граффити, мусору, вандализму, максимум – разбитое окно. Об этом говорил знак, и внезапно у меня возникла невыразимая уверенность, что я принадлежу этому миру, где можно посадить саженец и знать, что никто его не сломает в ту же ночь; где истекающего кровью не бросят на дороге; где полиция не ворвется ни с того ни с сего; где не пишут объявлений для учеников – «оставлять ножи дома». Здесь будут строгие учителя в старомодных черных костюмах, угрюмые смотрители вроде моего отца, горделивые старосты. Если ты делаешь уроки, это не значит, что ты гомик, придурок или ботан. Здесь безопасно. Здесь дом.

Мое одиночество не нарушали: никто не отваживался зайти так далеко. Птицы прилетали на эту запретную землю и улетали – и ничего им за это не было. Потом из-под ограды с важным видом появился кот и уселся, облизывая лапу. И ничего.

Я решаюсь подойти ближе. Для начала переступаю через тень, а потом пролезаю между толстыми столбами, на которых держится знак. Моя собственная тень воровато прокралась вперед – и пересекла границу.

Вначале это щекочет нервы. Но недолго: в душе моей уже созрел бунт, и не хочется ограничиваться таким формальным проступком. Я осторожно ступаю на траву на той стороне, затем убираю ногу – это восхитительно, я дрожу, как ребенок, впервые шагнувший в океан. Конечно, мне никогда не доводилось видеть океан, но ощущения не обманывают – это такое же вторжение в чужую стихию, где может случиться что угодно.

Ничего не случилось.

Еще один шаг, на этот раз не отступая. Ничего. Надпись возвышается надо мной, как чудовище из фильмов, которые показывают поздно вечером. Она словно застыла, вне себя от моей дерзости. Не теряя времени, надо рвануться, помчаться через продуваемое ветром поле к живой изгороди, пригибаясь, в любую секунду ожидая нападения. И, добежав до изгороди, затаиться в ее тени, задыхаясь от страха. Ну вот, сказано – сделано. Теперь они придут.

Всего в нескольких футах от меня – дыра в изгороди. Замечательно. Я подбираюсь к ней, держась в тени, и протискиваюсь. Они могут подойти и справа и слева. А если подойдут с обеих сторон, то придется удирать. Мне всегда казалось, что взрослые забывают о случившемся, когда проходит время, и если получится быстро удрать, то меня не накажут.

Все во мне замерло в ожидании. Горло понемногу отпускает, сердце бьется почти нормально. Окружающее начало проясняться. Сначала мне любопытно, затем все больше и больше неприятно. Терновые колючки царапают спину сквозь футболку. Пахнет потом, сырой землей, кислым терном. Где-то рядом щебечет птица; вдалеке, словно насекомое в траве, убаюкивающе стрекочет газонокосилка. И больше ничего. Сначала от радости у меня вырвался смешок – граница нарушена, и меня не поймали, – а затем появилось недовольство, в груди затрепетала обида.

Где же скрытые камеры? Мины? Стража? Где ПОРЯДОК – столь самоуверенный, что его надо было писать большими буквами? И главное – где мой отец?

Я осторожно встаю и выхожу из тени изгороди. Солнце бьет в лицо, и я заслоняю глаза рукой. Делаю в открытое поле шаг, затем другой.

Вот сейчас они и придут, эти судебные исполнители, эти зыбкие фигуры порядка и власти. Но тянулись секунды, минуты – и ничего. Никого – ни старосты, ни учителя, ни даже смотрителя.

Тогда меня охватывает паника, и я бегу к центру поля, размахивая руками, как человек на необитаемом острове, пытающийся остановить спасательный самолет. Им что, все равно? Это же настоящее вторжение. Неужели они меня не замечают?

«Сюда! – меня переполняло негодование. – Я здесь! Сюда! Сюда!»

Ничего. Ни звука. Хоть бы собака залаяла или завыла сирена. Хоть малейший знак тревоги. И тут, дрожа от гнева и возбуждения, я понимаю, что все это – чудовищная ложь. Никого в поле нет, лишь трава и деревья. И черта на земле, подстрекающая переступить через нее. Переступить так переступить. У меня хватило смелости бросить вызов ПОРЯДКУ.

И все же не оставляло ощущение, будто меня обманули, как бывало при встречах с угрозами и уверениями мира взрослых: он обещал так много и так мало давал.

«Они лгут, детка, – зазвучал у меня в голове слегка приглушенный голос отца. – Обещают тебе целый мир, но все они одинаковы. Они лгут».

«Нет, не лгут. Не всегда…»

«Тогда давай, рискни. Посмотрим, как далеко ты зайдешь».

И я иду дальше, вдоль изгороди и вверх по небольшому холму, туда, где растут деревья. Там высится другая надпись: «НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ПРИВЛЕКАТЬСЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ». Но первый шаг уже сделан, и этой угрозе не остановить меня.

Однако за деревьями меня ждал сюрприз. Мне казалось, там должна быть дорога, может, рельсы или река – знак того, что на «Сент-Освальде» мир не кончается. Но отсюда, насколько хватало глаз, простирался один «Сент-Освальд»: этот холм, рощица, теннисные корты, крикетное поле, благоухающие лужайки и за ними длинные-предлинные полосы лугов.

И там, за деревьями, были люди – мальчики всех возрастов. Некоторые чуть старше меня, другие – взрослые, пугающие и самодовольные. Одни – в белых костюмах для крикета, другие – в шортах и разноцветных майках с номерами. В стороне виднелась квадратная песчаная площадка, где прыгали в длину. А еще дальше – большое здание из прокопченного камня. Сводчатые окна, отражающие солнце, длинная черепичная крыша, испещренная слуховыми окнами, башня, флюгер, длинные ряды хозяйственных построек, часовня, изящная лестница, спускающаяся к лужайкам, деревьям, клумбам, заасфальтированным внутренним дворикам, разделенным оградами с арочными воротами.

Там тоже были мальчики: одни сидели на ступеньках, другие беседовали, стоя под деревьями. Некоторые в темно-синих блейзерах и серых брюках, остальные в спортивных костюмах. Их разговоры, которые только сейчас донеслись до меня, казались щебетанием экзотических птиц.

Сразу стало ясно, что они совсем другой породы. Словно позолочены – не только солнечным светом и близостью к этому чудесному зданию, но и чем-то менее материальным: налетом уверенности, неким таинственным сиянием.

Позже, конечно, все это предстало в истинном свете: за изящными чертами крылось утонченное разложение. Гниение. Но на первый, незаконный взгляд «Сент-Освальд» показался недосягаемым раем; это был Занаду, Асгард[1 - Занаду – райская долина, описанная в поэме С. Кольриджа «Кубла Хан». Асгард – в скандинавской мифологии мир богов.] и Вавилон, вместе взятые, и там жили и блаженствовали юные боги.

Понятно, что та граница не просто черта на земле. Это барьер, переступить который не поможет никакая отвага, никакое желание. А я – просто никто; вдруг стало заметно, что у меня грязные джинсы, стоптанные кроссовки, изможденное лицо и тусклые волосы. Какая глупость – вообразить себя отважным исследователем. У меня нет права находиться здесь. Я – жалкое, пошлое создание, мелкий шпион и воришка, грязное существо с голодными глазами и

вороватыми пальцами. Заметят меня или нет, я всегда буду ничтожеством в их глазах. Да я такое и есть. Родом из «Солнечного берега».

Видите, все уже началось. Вот что такое «Сент-Освальд», вот что он делает с людьми. Ярость вспыхнула во мне, словно язва. Ярость и жажда бунта.

Итак, я из посторонних. Ну и что? Любое правило можно нарушить. Нарушение границы, как всякое преступление, остается безнаказанным, если его никто не видел. Слова, даже волшебные, так и останутся словами.

Тогда мне это было еще непонятно, но в тот миг началась моя война с «Сент-Освальдом». Он меня не берет? Тогда я возьму его. Возьму, и никто – даже отец – меня не остановит. Черта проведена. Еще одна граница, подлежащая нарушению, спокойная в своей вековой надменности, не подозревающая о смертоносной бацилле, которая затаилась неподалеку, и обман здесь нужен куда тоньше. Еще одна граница, бросающая мне вызов.

Это как убийство.

Король

1

Школа для мальчиков «Сент-Освальд»

Понедельник, 6 сентября, осенний триместр

Их, по моему расчету, девяносто девять – пахнущих деревом, застарелой меловой пылью, дезинфекцией и каким-то неуловимо сдобным, хомячковым мальчишеским запахом. Девяносто девять триместров, нанизанных на временную ось, словно пыльные бумажные фонарики. Тридцать три года. Будто

тюремный срок. Напоминает анекдот о пенсионере, осужденном за убийство.

«Тридцать лет, ваша честь, – протестует он, – это слишком долго. Я столько не протяну!» А судья отвечает: «Ну, сколько сможете…»

Если вдуматься, не смешно. В ноябре мне исполнится шестьдесят пять.

В общем-то это неважно. В «Сент-Освальде» не принуждают выходить на пенсию. У нас свои правила. Они были всегда. Так что еще один триместр, и я отмечу свою «сотню». И наконец попаду на Доску почета. Я уже вижу надпись готическим шрифтом: «Рой Хьюберт Честли, бакалавр, старый центурион[2 - «Сотня» – сто триместров, а также сто очков, набранные игроком в крикет. Центурион – игрок, набравший эти сто очков.] нашей школы».

Смешно. Никогда бы не подумал, что попаду сюда. Десятилетку в «Сент-Освальде» я окончил в 1954 году и меньше всего ожидал, что снова окажусь здесь, да еще учителем, которому и следить за порядком, и раздавать строки для переписывания, и оставлять после уроков. Но к своему удивлению, я обнаружил, что за те десять лет интуитивно постиг учительскую профессию. Не осталось ни одной уловки, которой бы я не знал. Я ведь и сам прибегал к ним – и мальчишкой, и взрослым. А теперь я снова здесь, в «Сент-Освальде», еще на один триместр. Можно подумать, что я просто не могу без него.

Я закурил «Голуаз» – моя единственная уступка влиянию кафедры современных языков. Формально это, конечно, запрещено; но сегодня классная комната полностью в моем распоряжении, и никто не обратит особого внимания. В этот день по традиции мальчики не учатся, а мы занимаемся административными делами: нужно пересчитать учебники, распределить канцтовары, проверить расписание, составить списки классов, ввести в курс дела новых сотрудников, провести кафедральные собрания.

Я, конечно, сам себе кафедра. Бывший заведующий отделением классики, под началом которого процветала почтительная челядь, теперь разжалован и сослан в пыльный закуток кафедры языков, словно унылое первоиздание, которое никто не осмеливается выбросить.

Все мои крысы уже покинули корабль – кроме мальчиков, конечно. Я все еще работаю на полной ставке – к изумлению мистера Страннинга, второго

замдиректора, который считает латынь ненужной, и к тайному стыду Нового Главного. И все же мальчики продолжают выбирать мой ненужный предмет и вполне прилично по нему успевают. Мне нравится думать, что дело в моей харизме.

Нельзя сказать, что я не люблю коллег по отделению современных языков, хотя у меня больше общего со смутьянами-галлами, чем с тевтонами, лишенными чувства юмора. Есть там такой Грушинг, заведующий французской кафедрой – круглый, веселый, порой блестящий, но безнадежно неорганизованный, – и Китти Чаймилк, которая иногда за чаем делится со мной печеньем, да еще Эрик Скунс, жизнерадостный полуцентурион (тоже питомец «Сент-Освальда») шестидесяти двух лет. Когда на него находит, он пускается в смутные воспоминания о самых выдающихся подвигах моей далекой юности.

Еще там обретается Изабель Тапи, бесполезное длинноногое украшение в галльском стиле, которой посвящена большая часть восторженных школьных граффити – из тех, что пробуждают фантазию в мужских уборных. В целом это веселое отделение, члены которого терпят мои чудачества добродушно и с похвальным терпением и редко вмешиваются в мои нетрадиционные методы преподавания.

Учителя с немецкой кафедры не столь мне близки. Джефф и Пенни Нэйшн (Лига Наций) – то ли смешанная пара, то ли комический дуэт, мечтающие прибрать к рукам мою классную комнату; Джерри Грахфогель – благонамеренный гад, сторонник словарных карточек с картинками, и, наконец, доктор Дивайн – Зелен-Виноград, стойкий борец за дальнейшее расширение Великой Империи, который считает меня подрывным элементом и похитителем детских сердец, не интересуется классическими языками и, без сомнения, полагает, что carpe diem[3 - Лови момент (лат.).] означает «рыба в сегодняшнем меню».

У него есть обыкновение прошмыгивать мимо двери моей комнаты с напускной живостью, с подозрением заглядывая сквозь стекло, как бы в поисках признаков моего безнравственного поведения, и сегодня я уж точно увижу его тоскливую физиономию – это лишь вопрос времени.

Ну, что я говорил?

Легок на помине.

– Доброе утро, Дивайн!

Я сдержал порыв отсалютовать, тем временем пряча недокуренный «Голуаз» под стол, и широко улыбнулся ему через стеклянную дверь. Он нес большую картонную коробку, доверху набитую книгами и бумагами. Посмотрев на меня с плохо скрытым, как я потом понял, самодовольством, он удалился с таким видом, будто ему предстоят великие дела.

Заинтригованный, я выглянул в коридор – как раз вовремя, чтобы увидеть Джерри Грахфогеля и Лигу Наций с такими же коробками, поспешно ретирующихся вслед за Дивайном.

Недоумевая, я уселся за старый письменный стол и оглядел свою скромную империю.

59-й кабинет, территория, которой я владею последние тридцать лет. Часто признавалась спорной, но не сдавалась никогда. Нынче одни лишь немцы не оставляют попыток. Это большая комната и по-своему красивая, пусть и расположена в Колокольной башне так, что я вынужден преодолевать больше ступенек, чем хотелось бы, и находится она, если считать по прямой, в полумиле от моего маленького кабинета в верхнем коридоре.

Вы, конечно, замечали, что собаки начинают со временем походить на хозяев. То же происходит с учителем и его классной комнатой. Моя подходит мне, как мой старый твидовый пиджак, да и пахнет почти так же – мелом, книгами и запрещенными сигаретами. Большая почтенная классная доска господствует надо всем. Доктор Дивайн пытался ввести термин «меловая доска», и я рад заметить, что безуспешно. Парты старые, израненные, но я решительно противостоял попыткам заменить их вездесущими пластиковыми столами.

Если я заскучаю, всегда можно почитать граффити. В основном они касаются меня, что лестно. Сейчас моя любимая надпись – Hic magister podex est[4 - Тут учитель – задница (лат.).], она сделана кем-то из мальчиков так давно, что уже и не вспомнишь. Когда я сам был мальчиком, никто бы не посмел написать в адрес учителя podex. Позорище. И все же надпись почему-то всегда вызывала у меня улыбку.

Мой стол не менее позорен: громадный, потемневший от времени, с бездонными ящиками и многочисленными надписями. Он стоит на подиуме – первоначально сооруженном для того, чтобы низкорослый учитель мог дотянуться до доски, – и с этой верхней палубы я могу благосклонно взирать на своих любимцев и незаметно решать кроссворд в «Таймс».

За ящиками стола живут мыши. Я знаю это, потому что по вечерам в пятницу они собираются вместе и шуршат под трубами отопления, пока мальчики пишут еженедельную контрольную. Я не жалуюсь. Мне мыши нравятся. Старый Главный однажды попробовал их травить – но только однажды: дохлые мыши воняют так, что любая другая живность позавидует. Вонь держалась несколько недель, пока наконец не позвали Джона Страза, бывшего тогда главным смотрителем, который отодрал доски, прикрывающие отопление, и убрал смердящие трупики.

С того дня мыши и я существовали по удобному принципу: живи и дай жить другим. Вот бы так и немцам.

Я очнулся от грез и увидел, что доктор Дивайн снова проходит мимо класса со своей свитой. Он выразительно постучал по запястью, напоминая о времени. Десять тридцать. Ах да, конечно. Общее собрание. Я нехотя уступил, выкинул окурок в мусорную корзину и не спеша направился в зал, задержавшись по пути, чтобы снять с крючка на дверце стенного шкафа потертую мантию.

Старый Главный всегда настаивал, чтобы в торжественных случаях мы надевали мантию. Теперь же я – фактически единственный, кто надевает ее на собрания, большинство появляется в мантии только в день вручения аттестатов. Родителям это нравится. Так они чувствуют традицию. Мне же просто нравится носить мантию. Она служит прекрасным камуфляжем и защищает костюм.

Когда я вышел, Джерри Грахфогель запирал свою дверь.

– О, здравствуйте, Рой.

Он одарил меня улыбкой еще нервнее, чем обычно. У этого долговязого молодого человека наилучшие намерения, но поддерживать порядок в классе он не умеет. Пока он закрывал дверь, я успел увидеть кучу картонных коробок у

стены.

– Много хлопот сегодня? – Я указал на коробки. – Что это? Вторгаемся в Польшу?

Джерри дернулся:

– Нет, просто кое-что переносим в новый кабинет кафедры.

Я внимательно посмотрел на него. Фраза прозвучала несколько зловеще.

– Что за новый кабинет?

– Извините, надо бежать. Совещание у директора, нельзя опаздывать.

Это шутка такая. Джерри всегда и всюду опаздывает.

– Новый кабинет? А что, кто-то умер?

– Рой, извините. После поговорим.

И он почтовым голубем рванул к залу. Я напялил мантию и двинулся за ним более солидным шагом, охваченный тяжелым предчувствием.

Я пришел вовремя. Новый Главный как раз прибыл вместе с Пэтом Слоуном, своим первым заместителем, и секретаршей Марлин, бывшей родительницей, которая после смерти сына поступила к нам на работу. Новый Главный – хрупкий, элегантный, мрачноватый, словно Кристофер Ли в «Дракуле». Старый Главный был неприятным человеком, грубым, самоуверенным, с замашками диктатора, то есть такой, каким бы я и хотел видеть директора школы. Пятнадцать лет прошло с его ухода, а я до сих пор скучаю по нему.

По дороге к своему месту я остановился налить кружку чая. С удовлетворением отметил, что, хотя зал переполнен и некоторые молодые учителя остались без места, мое не заняли. Третье от окна, как раз под часами. Придерживая кружку на коленях, я погрузился в подушки и почувствовал, что кресло стало как-то

тесновато.

Видимо, за каникулы я прибавил несколько фунтов.

– Кхм-кхм, – сухое покашливание Нового Главного, на которое мало кто обратил внимание.

Марлин – дама за пятьдесят, разведенная, снежные волосы, вагнерианская внешность – поймала мой взгляд и нахмурилась. Зал притих, чувствуя ее неодобрение. Конечно, ни для кого не секрет, что именно она заправляет школой, и не замечает этого лишь Новый Главный.

– Всех с возвращением, – произнес Пэт Слоун, всеми признанный «человеческим лицом» школы.

Крупный, веселый, поразительно юный в свои пятьдесят пять, он сохранил румяное очарование школьника-переростка с разбитым носом. Да и человек он хороший. Добрый, работящий, горячо преданный Школе, где тоже когда-то учился, но не слишком умный, хоть и закончил Оксфорд. Человек действия, им двигает скорее сочувствие, нежели разум; его легче представить в классе или на поле для регби, чем в комитете управления или на собрании. Мы не возражали – разума в «Сент-Освальде» более чем достаточно; на самом деле нам не хватало человечности – такой, как у Слоуна.

– Кхм-кхм.

Это снова Главный. Неудивительно, что между ним и Слоуном было некоторое напряжение. Слоун, будучи Слоуном, изо всех сил старался сделать это напряжение незаметным. Однако любовь к нему и мальчиков, и учителей вызывала досаду у Нового Главного, чья привлекательность была далеко не так очевидна.

– Кхм-кхм!

Румянец на лице Слоуна, и без того яркий, разгорелся еще сильнее. Марлин, преданная Пэту (тайно, как она думала) все последние пятнадцать лет, казалась

недовольной.

Не замечая ничего вокруг, Главный шагнул вперед.

– Пункт первый: финансирование строительства нового игрового павильона. Было принято решение создать вторую административную должность, чтобы заниматься вопросами изыскания средств. Подходящего кандидата выберут из шести претендентов, ему присвоят звание управляющего делами по связям с общественностью и…

Мне удалось отключиться от доклада, и голос Главного уютно жужжал приглушенным фоном. Обычная тягомотина, думал я: нехватка фондов, ритуальный разбор полетов прошедшего лета, неизбежный новый план набора учеников, очередная попытка ликвидации компьютерной безграмотности учителей, красивое, но нереальное предложение от женской школы создать совместное предприятие, предполагаемая (и грозная) инспекция в декабре, краткое обвинение в адрес правительственной политики, жалоба на дисциплину в классах и внешний вид сотрудников (здесь Зелен-Виноград Дивайн язвительно посмотрел на меня), а также текущие судебные тяжбы (три к настоящему времени – неплохо для сентября).

Я коротал время, выглядывая новые лица. Мне думалось, что в этом триместре они обязательно появятся; этим летом несколько «стариков» наконец признали себя побежденными, так что, по моим соображениям, им должны были найти замену. Китти Чаймилк подмигнула, когда я встретился с ней глазами.

– Пункт одиннадцать. Перераспределение классов и кабинетов. Вследствие новой нумерации, необходимой после завершения строительства нового компьютерного зала…

Ага. Новичок. Их обычно можно распознать по тому, как они стоят. Застыв по стойке «смирно», будто в армии. И конечно, по костюмам, выглаженным, девственно чистым, без меловой пыли. Ну, это ненадолго: меловая пыль – вероломная штука, проникает даже в те политкорректные помещения школы, откуда изгнали и классную доску, и ее чопорную кузину – доску меловую.

Новичок стоял около компьютерщиков. Дурной знак. В «Сент-Освальде» все компьютерщики бородатые, таково правило. Кроме заведующего отделением

мистера Борродса, который в виде робкого бунта против правил носил только небольшие усы.

– …В результате кабинеты с двадцать четвертого по тридцать шестой будут перенумерованы в сто четырнадцатый – сто двадцать шестой, кабинет пятьдесят девять станет номером семьдесят пять, и бывший кабинет классики станет рабочей комнатой немецкой кафедры.

– Что?!

Еще одно преимущество мантии на собраниях: содержимое кружки даже при резком толчке почти не оставляет следов на костюме.

– Господин директор, мне кажется, вы неверно прочли последний пункт. Кабинет кафедры классики используется по назначению. Он ни в коем случае не бывший. Так же, как и я, – добавил я sotto voce[5 - Вполголоса (ит.).], кинув взгляд на немцев.

Новый Главный холодно посмотрел на меня.

– Мистер Честли, эти административные вопросы уже обсуждались на собрании в прошлом триместре, тогда вам и следовало вносить свои предложения.

Я видел, как внимательно смотрят на меня немцы. Джерри, неумелый лжец, любезно сделал вид, что смутился.

– Вы прекрасно знаете, что я не был на том собрании. Я принимал экзамены, – обратился я к доктору Дивайну.

Зелен-Виноград самодовольно улыбнулся:

– Я лично отправил вам протокол собрания по электронной почте.

– Вы же отлично знаете, черт возьми, что я не пользуюсь электронной почтой!

Взор Главного стал ледяным. Сам он любит высокие технологии (по крайней мере, так говорит), гордится тем, что идет в ногу со временем. Тут, полагаю,

виноват Боб Страннинг, второй заместитель директора, который утверждает, что в современной системе образования нет места людям, не владеющим компьютером, да еще мистер Борродс, который помог ему создать столь сложную и изящную сеть внутренней связи, что устная речь стала излишней. Из любого кабинета можно связаться с любым другим, и не надо больше утруждать себя: вставать, открывать дверь, идти по коридору и даже говорить с кем-либо (извращение какое-то, все эти мерзкие встречи и разговоры).

Компьютерные отказники вроде меня – вымирающая порода, а с точки зрения администрации – слепоглухонемые.

– Господа! – отрезал Главный. – Сейчас не время спорить об этом. Мистер Честли, предлагаю вам высказать свои возражения в письменном виде и отправить по электронной почте мистеру Слоуну. Можно теперь продолжать?

Я сел.

– Ave Caesar, morituri te salutant.[6 - Радуйся, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя (лат.).]

– Что, простите?

– Не знаю. Может, вы просто услышали, как тихо осыпается последний аванпост цивилизации.

Не слишком радужное начало триместра. Выговор от Нового Главного я бы еще стерпел, но мысль о том, что Зелен-Виноград Дивайн умудрился увести кабинет у меня из-под носа, была невыносима. Так или иначе, сказал я себе, любезничать с ним я не буду. И вообще, эта оккупация так легко немцам с рук не сойдет – я об этом позабочусь.

– А теперь поприветствуем наших новых коллег. – Тут Главный позволил себе подпустить немного теплоты в голос. – Я надеюсь, что с вашей помощью они почувствуют себя здесь как дома и будут так же преданы «Сент-Освальду», как и вы.

«Сент-Освальду»? Лучше уж предать их земле.

– Вы что-то сказали, мистер Честли?

– Нечленораздельный звук одобрения, господин директор.

– Гм.

– Именно.

Новичков было пятеро; один из них – компьютерщик, чего я и боялся. Я не уловил его имени, но Бороды взаимозаменяемы, равно как и Костюмы-начальники. В любом случае на этой кафедре я, по очевидным причинам, редко отваживался появляться. Молодая женщина – на кафедру современных языков (темные волосы, белые зубы, пока довольно приятная); некий Костюм на должность учителя географии – они-то, кажется, и положили начало коллекции; учитель физкультуры в раздражающе ярких спортивных шортах из лайкры; аккуратный молодой человек на английскую кафедру, которого я пока не отнес ни к одной категории.

Когда повидаешь столько учительских, сколько пришлось мне, начинаешь распознавать фауну, собирающуюся в этих местах. В каждой школе своя экосистема и социальный состав, но некоторые виды склонны преобладать повсюду. Костюмы, конечно (с появлением Нового Главного их становится все больше и больше – они охотятся стаями), и их естественный враг – Твидовые Куртки. Зверь-одиночка, обитающий в определенных регионах, Твидовая Куртка, хотя порой и подвержена приступам безумного веселья, имеет тенденцию не слишком часто спариваться, а потому их становится все меньше и меньше. Есть еще Рьяный Работяга, типичные представители этого вида – Джефф и Пенни Нэйшн; Медный Лоб, который читает «Миррор» на собраниях, которого редко увидишь без чашки кофе и который вечно опаздывает на уроки; Йогурт Обезжиренный (всегда самка, это животное занято преимущественно сплетнями и концепциями правильного питания); Американский Заяц, самец или самка, который прячется в первую попавшуюся ямку при малейшей тревоге; плюс еще Драконы, Конфетки, Залетные птицы, Однокашники, Молодые-да-Ранние и Эксцентрики самого разного типа.

Обычно я определяю категорию новичка с первых минут знакомства. Географ, мистер Изи, – типичный Костюм: проницательный, коротко стриженный, созданный для канцелярской работы. Учитель физкультуры, да помогут нам

боги, – классический Медный Лоб; мистер Тишенс, компьютерщик, – заячья душонка под пышной бородой. Мисс Дерзи, лингвист, могла бы быть Драконом-практикантом, если бы не иронический изгиб рта; надо бы испытать ее, посмотреть, из какого она теста. Новый преподаватель английского мистер Кин нечетко обрисовывается – не совсем Костюм и не вполне Работяга и слишком молод для Твидовой Куртки.

Новый Главный делает немало, чтобы впрыснуть школе свежую кровь; будущее нашей профессии зависит от новых идей, говорит он. Старых каторжников вроде меня ему не одурачить: просто молодая кровь дешевле.

Я так и сказал об этом Пэту Слоуну после собрания.

– Дайте им показать себя, – ответил он, – по крайней мере, дайте им обжиться до того, как вы уйдете.

Пэт, конечно, любит молодежь – частично в этом его обаяние. Мальчики это чувствуют и тянутся к нему. Но это делает его также слишком доверчивым. Способность видеть во всех только хорошее часто досаждала окружающим.

– Джефф Пуст – хороший, честный спортсмен, – сказал он.

Я вспомнил этого физкультурника в лайкровых штанцах (Медный Лоб в самом чистом виде) и сам себе подмигнул.

– Крис Кин пришел с прекрасными рекомендациями.

Тут я готов поверить.

– А учительница французского, кажется, очень разумная женщина.

Ну конечно, подумал я, уж Слоун точно побеседовал со всеми.

– Ну, будем надеяться, – произнес я и направился к Колокольной башне.

После лобовой атаки доктора Дивайна я решил, что с меня хватит неприятностей.

2

Вот видите, это оказалось даже слишком просто. Стоило им увидеть мои рекомендации, как они попались на крючок. Забавно, до чего люди верят бумажкам: сертификатам, дипломам, степеням, рекомендациям. А в «Сент-Освальде» – больше, чем где бы то ни было. В конце концов, весь механизм работает на канцелярщине. Причем плохо работает, из чего я заключаю, что со смазкой нынче туго. Колеса подмазывают деньгами, говорил отец, и был прав.

С того первого дня там мало что изменилось. Построили много новых домов, и поля для спортивных игр стали меньше открыты для обозрения; появилась высокая ограда – проволока на бетонных столбах, – чтобы подкрепить знаки «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Но по сути «Сент-Освальд» остался прежним.

Конечно, подходить к нему надо спереди. Фасад, внушительная подъездная аллея и кованые ворота созданы, чтобы поражать воображение. И правда поражают – до восьми тысяч фунтов в год за каждого ученика: на такую помесь старомодного высокомерия и броской показухи клиент ловится безотказно.

«Сент-Освальд» по-прежнему любит помпезные титулы. Замдиректора тут называют вторым преподавателем, учительскую – профессорской, даже уборщики называются постельничими, хотя с 1918 года в «Сент-Освальде» нет пансионеров, а потому нет и постелей. Но родителям все это нравится. На староосвальдском (или «осси», как его называют по традиции) домашняя работа именуется подготовительной; старинный обеденный зал называют новой трапезной, а здания школы, уже больше похожие на руины, подразделяются на множество причудливо названных уголков и закутков: Ротонда, Кладовая, Учительский домик, Опускная решетка, Обсерватория, Потайная дверь. Сейчас, конечно, вряд ли кто пользуется этими официальными названиями, но они хорошо смотрятся в рекламных проспектах.

Мой отец, если ему верить, бесконечно гордился званием главного смотрителя. Обычная работа по хозяйству, незамысловатая и непрестижная, но титул, в котором звучало нечто начальственное, так ослеплял его, что он не замечал ни

выговоров, ни мелких оскорблений, которым подвергался первые годы. Он окончил школу в шестнадцать лет, высшего образования не получил, и «Сент-Освальд» представлялся ему вершиной, о которой он не смел даже мечтать.

Поэтому отец смотрел на золоченых мальчиков «Сент-Освальда» восхищенно и в то же время презрительно. Его восхищало их физическое совершенство, спортивная удаль, безукоризненное телосложение и нескрываемое богатство. А презирал он их за мягкость, благодушие, тепличное существование. Я знаю, что он всегда сравнивал меня с ними, и с годами для него все четче проступали моя неполноценность и его молчаливое, но горькое разочарование.

Понимаете, отец хотел сына, похожего на себя, – лихого парня, разделявшего с ним страсть к футболу, моментальной лотерее и жареной рыбе с картошкой, недоверие к женщинам и нелюбовь к домоседству. Если не это, то хотя бы сына – ученика «Сент-Освальда», джентльмена-игрока, капитана крикетной команды, который способен, несмотря на свое происхождение, выбиться в люди – даже оставив отца далеко позади.

А вместо этого – я. Ни рыба ни мясо, только и знает, что предаваться бесполезным мечтам, сидеть над книгами и смотреть развлекательные фильмы, скрытное, тощее, бледное, вялое создание, не интересующееся спортом и настолько же замкнутое, насколько общителен отец.

Но он делал все, что мог. Старался против моей воли. Таскал меня на футбольные матчи, где мне было смертельно скучно. Купил мне велосипед, на котором можно было кататься вокруг школьной ограды. Более того, первый год нашей тамошней жизни он вообще не пил. Наверное, мне стоило испытывать хоть какую-то благодарность. Но ее не было. Так же как он желал видеть во мне свое отражение, мне безнадежно хотелось увидеть в нем свое. В голове уже отпечатался образ, сложившийся из сотни книг и комиксов. Прежде всего он должен был быть человеком властным, твердым, но справедливым. Храбрым и проницательным. Читателем, ученым, интеллектуалом. Понимающим человеком.

А эти попытки найти его в Джоне Стразе… Раз или два казалось, что у меня получилось. Путь взросления полон противоречий, и в столь юные годы можно было бы хоть и наполовину, но поверить той лжи, которой он вымощен. «Папа знает лучше. Положись на меня. Старшие умнее. Делай, что тебе говорят». Но в моей душе зарождалась уверенность, что пропасть между нами расширяется. Потому что с детства мне было присуще честолюбие, а Джон Страз, при всем его

опыте, был и оставался всего лишь смотрителем.

Но хорошим смотрителем, это мне было понятно. Он добросовестно выполнял свои обязанности. Запирал на ночь ворота, обходил по вечерам территорию, поливал цветы, засеивал поля для крикета, косил траву, встречал посетителей, раскланивался с преподавателями, организовывал ремонт, чистил водостоки, докладывал о неполадках, стирал граффити, переставлял мебель, выдавал ключи от шкафов, разбирал и разносил почту. Взамен некоторые учителя звали его по имени – Джоном, – и отец светился от гордости и благодарности.

Теперь в школе новый смотритель, его зовут Дуббс. Тяжеловесный, неряшливый брюзга. Вместо того чтобы следить за входными воротами, он сидит в сторожке и слушает радио. Джон Страз никогда бы себе этого не позволил.

Меня назначили на должность в сент-освальдском стиле, без свидетелей. О других кандидатах мне ничего не было известно. Со мной беседовали заведующий отделением, Главный, а также его первый и второй заместители.

Не узнать их было невозможно. За пятнадцать лет Пэт Слоун стал еще толще, румянее и веселее – словно шарж на того себя, каким он был когда-то; а вот Боб Страннинг не изменился, только волосы поредели: тощий, темноглазый, с резкими чертами и нездоровым цветом лица. Конечно, тогда он был всего лишь молодым и честолюбивым учителем английского с начальственными замашками. Теперь же он – настоящий школьный eminence grise[7 - Серый кардинал (фр.).], составитель расписания, ловкий махинатор, ветеран бесчисленных академических дней[8 - В академические дни, устанавливаемые администрацией школы, школьники не учатся, а учителя проходят профессиональную подготовку.] и учебных курсов.

Вряд ли нужно говорить, что узнать директора тоже не составило труда. Новый Главный директорствовал и в те времена – лет под сорок, хотя уже тогда с преждевременной сединой, высокий, чопорный, важный. Он меня не узнал – да и с чего бы? – но пожал мне руку холодными вялыми пальцами.

– Надеюсь, у вас нашлось время осмотреть Школу и вы вполне удовлетворены.

Заглавная буква прямо-таки слышалась в его голосе.

Ответом была моя улыбка.

– Да, конечно. Потрясающе. Особенно новое отделение информационных технологий. Динамичный современный инструментарий в традиционном академическом окружении.

Главный кивнул. Было видно, как он мысленно подшил эту фразу в папку – может, для проспекта на следующий год. Позади хмыкнул Пэт Слоун – то ли насмешливо, то ли одобрительно. А Боб Страннинг просто смотрел на меня.

– Что особенно поразило…

Слова застыли на языке. Вошла секретарша с чайным подносом. Удивление, что это именно она, и остановило меня на полуслове. То, что она может узнать меня, никаких опасений не вызывало, так что можно было продолжать:

– Что особенно поразило меня, насколько искусно современное привито к старому, а в результате создается нечто, превосходящее и то и другое. Школа, которая смело заявляет, что хоть она и может позволить себе последние нововведения, но не просто уступает популярным причудам, а с их помощью укрепляет традиции научного совершенства.

Главный снова кивнул. Секретарша – длинные ноги, кольцо с изумрудом, аромат № 5 – налила чай. Поблагодарить ее – холодно и в то же время с одобрением. Сердце часто билось, но было в этом своего рода удовольствие.

Это первое испытание, и мне было ясно, что оно выдержано.

Прихлебывая чай, я наблюдаю за Слоуном, взявшим свою чашку.

– Спасибо, Марлин.

Он пил чай, как мой отец, положив три или четыре куска сахара, и серебряные щипцы для сахара казались пинцетом в его толстых пальцах. Страннинг молчал. Главный ждал, и глаза его походили на гальку.

– Ну хорошо, – сказал Слоун, глядя на меня, – вернемся к делу. Мы слышали, как вы говорите. Ясно, что щеголять профессиональным жаргоном на собеседовании вы умеете. Но лично я хотел бы знать, каковы будете вы в классе?

Старый добрый Слоун. Знаете, он нравился моему отцу, был для него своим парнем, и тот совершенно не понимал, насколько Слоун хитер. «К делу» – его типичное выражение. Просто забываешь, что за йоркширским выговором и физиономией регбиста – оксфордский диплом (второй степени). Нет, не стоит недооценивать Слоуна.

Снова улыбка – и чашку в сторону.

– В классе у меня свои приемы, сэр, как и у вас, полагаю. А за его пределами я считаю своим долгом постичь любой профессиональный термин, с которым сталкиваюсь. Если умеешь быть красноречивым и добиваешься результатов, то не важно, следуешь ли ты последним инструкциям Министерства образования. Большинство родителей все равно ничего не понимают в преподавании. Единственное, чего они хотят, – знать, что не зря потратили деньги. Вы согласны?

Слоун хмыкнул. Он ценит искренность – настоящую или поддельную. На его лице отразилось сдержанное восхищение. Второе испытание тоже пройдено.

– И где вы себя видите в течение следующих пяти лет?

Это спросил Страннинг, который почти все время молчал. Честолюбивый, за постной физиономией скрывается незаурядный ум, ревниво охраняет свою маленькую империю.

– В классе, сэр, – незамедлительно прозвучал мой ответ. – Именно там моя стихия, именно это я люблю.

Лицо Страннинга не изменилось, но он все же кивнул, уверившись, что я не посягаю на его владения. Испытание третье позади.

Никаких сомнений, что лучше меня кандидатов не оказалось. Квалификация у меня высокая, рекомендации – первоклассные. Такими они и должны быть: на их

подделку ушло немало времени. Самый изящный ход – фамилия, аккуратно взятая с одной из малых Досок почета в Среднем коридоре. Я полагаю, что она мне подходит, а кроме того, отцу было бы приятно, что у меня получилось воссоздать его в качестве «осси» – выпускника «Сент-Освальда».

История с Джоном Стразом – дело давно минувших дней: даже такие старожилы, как Рой Честли или Хиллари Монумент, вряд ли о них помнят. Но именно то, что отец – выпускник, было причиной моей близости к школе, моей привязанности к этому месту, моего желания там преподавать. А это делало мою кандидатуру подходящей даже больше, чем кембриджский диплом с отличием, должное произношение и скромная, но дорогая одежда.

Мне пришло на ум придумать несколько убедительных деталей: мать из Швейцарии, детство за границей. После усиленной тренировки удалось отчетливо увидеть и отца: подтянутый аккуратный человек с руками музыканта и страстью к путешествиям. Блестящий ученый в Тринити – именно там он познакомился с моей матерью, – позже стал ведущим специалистом в своей области. Оба трагически погибли прошлым Рождеством в автокатастрофе, около Интерлакена. Для полноты картины пришлось выдумать сестру в Сент-Морице и брата в Токийском университете. Моя годичная стажировка прошла в Харвудской гимназии в Оксфордшире, а теперь мне захотелось перебраться севернее – на более постоянное место.

Как уже было сказано, все оказалось даже слишком просто. Несколько писем на шикарной фирменной бумаге, красочное резюме, пара-тройка отзывов, подделать которые ничего не стоило. Они даже не проверили детали – к моему великому разочарованию, ведь столько сил ушло на то, чтобы тщательно все продумать. Даже имя совпадало с тем, что указано в дипломе, выданном в том же году. Не мне, конечно. Но как же легко ослепить этих людей. И причина не столько в глупости, сколько в высокомерии, уверенности, что никто не посмеет пересечь границу.

Кроме того, это ведь игра, где можно блефовать, не так ли? Все решает внешность. Окончи я университет где-нибудь на севере, имей простецкий выговор и дешевый костюм – никакие, даже лучшие в мире рекомендации мне бы не помогли.

Мне позвонили в тот же вечер.

Меня приняли.

3

Школа для мальчиков «Сент-Освальд»

Понедельник, 6 сентября

Сразу же после собрания я отправился на поиски Грушинга и нашел его у себя в кабинете вместе с новым лингвистом Дианой Дерзи.

– Не обижайтесь на Честли, – весело сказал ей Грушинг, представляя нас друг другу. – У него пунктик на имена. С вашим он поразвлекается от души, поверьте мне.

Я пропустил мимо ушей это дурацкое замечание.

– Ваше отделение просто наводнено женщинами, Грушинг, – сурово сказал я. – Так вы скоро научитесь выбирать ситец.

Мисс Дерзи насмешливо взглянула на меня.

– Я все про вас знаю, – сказала она.

– И это все – плохое, надо думать?

– Обсуждать это было бы непрофессионально с моей стороны.

– Хм.

Она – стройная девушка с умными карими глазами.

– Ладно, уже поздно отступать, – сказал я. – Раз «Сент-Освальд» заграбастал вас, то это на всю жизнь. Он иссушает душу. Посмотрите на Грушинга – от него осталась одна тень. И вообще, он отдал мой кабинет немчуре.

Грушинг вздохнул.

– Так и знал, что вам не понравится.

– Неужели?

– Другого выхода не было. Иначе вы потеряли бы пятьдесят девятую комнату. А поскольку вы никогда не пользуетесь своим кабинетом…

Вообще-то он был прав, но я не собирался подтверждать его правоту.

– Что значит – потерял бы пятьдесят девятую? Уже тридцать лет как это моя классная комната. Я, в сущности, ее часть. Знаете, как мальчишки меня прозвали? Квазимодо. Потому что я похож на горгулью и живу в Колокольной башне.

Мисс Дерзи с непроницаемым лицом слушала, но и только.

Грушинг покачал головой.

– Хорошо, берите ее вместе с Бобом Страннингом, если хотите. Но это все, что я могу сделать. Большую часть времени пятьдесят девятая будет в вашем распоряжении. Кроме того, есть комната отдыха, если класс кто-то занял, а вам нужно проверять работы.

Это грозный знак. Я всегда проверяю работы в своей комнате, когда у меня нет занятий.

– Вы хотите сказать, что я буду с кем-то делить пятьдесят девятую?

Лицо Грушинга стало виноватым.

– Но ведь многие делят. У нас не так уж много места. Вы видели расписание?

Конечно же, нет. Всем известно, что я даже не заглядываю в него без особой нужды. Я раздраженно пошарил в ящике для бумаг и вынул смятую компьютерную распечатку и записку от Даниэлы, секретарши Страннинга. Собрался с духом в ожидании скверных новостей.

– Четыре человека? Я буду делить комнату с четырьмя выскочками, да еще там будут проводить сбор отряда?

– Хуже того, – мягко произнесла мисс Дерзи, – боюсь, что одна из выскочек – это я.

Диана Дерзи поднялась в моих глазах – она простила мне все, что я тогда наговорил. Конечно, это было сказано в запальчивости: необдуманные слова и так далее. Но любой другой – Изабель Тапи, например, – мог бы и оскорбиться. Так уже случалось. Изабель очень нервная, а любую жалобу, например на эмоциональную травму, казначейский отдел рассматривает весьма серьезно.

Но мисс Дерзи держалась твердо. И, надо отдать ей должное, она никогда не оставляла мою комнату в беспорядке после урока, не перекладывала мои бумаги, не визжала при виде мышей и не делала замечаний по поводу бутылки лечебного хереса в моем шкафу. Так что мне с ней, в общем, повезло.

И все же меня обидел набег на мое маленькое царство, и было совершенно ясно, кто за этим стоит. Доктор Дивайн, глава немцев, и, что важнее, глава отряда «Амадей»: этот отряд, согласно расписанию, должен собираться по утрам в моей классной комнате каждый четверг.

Сейчас объясню. В «Сент-Освальде» пять отрядов: «Амадей», «Паркинсон», «Беркби», «Крайстчерч» и «Стаббз». Они занимаются главным образом спортом, клубами и часовней, то есть не имеют никакого отношения ко мне. Система отрядов, в центре внимания которой – часовня и холодный душ, по-моему, не представляет особого интереса. Однако каждый четверг по утрам эти отряды собираются в самых больших из свободных комнат, чтобы обсудить события недели, и я был крайне раздосадован, что мой класс выбрали для этих сборищ. Во-первых, это означало, что Зелен-Виноград Дивайн сможет шарить в ящиках

моего стола, а во-вторых, грозило страшным беспорядком, когда сотня мальчишек дерется за место в комнате, предназначенной для тридцати.

Я мрачно сказал себе, что это будет только раз в неделю. И все-таки успокоиться не мог. Мне не нравилось, как прытко Зелен-Виноград умудрился застолбить мой участок.

Другие захватчики, надо сказать, занимали меня меньше. Мисс Дерзи я уже знал. Остальные трое были новичками: Тишенс, Кин и Изи. В школе было принято, что новые учителя ведут уроки в дюжине разных комнат: в «Сент-Освальде» вечно не хватало помещений, а в прошлом году организация новых компьютерных классов привела к настоящему кризису. Я неохотно готовился открыть свою крепость для публики. С новичками особых сложностей не предвиделось. Вот за Дивайном – глаз да глаз.

Остаток дня я провел в своем святилище, сидя над письменными работами и размышляя. Расписание меня удивило: всего двадцать восемь уроков в неделю, а в прошлом году было тридцать четыре. Учеников в классах, кажется, тоже стало меньше. Работы, конечно, поубавилось, но я не сомневался, что каждый день буду на заменах.

Заглянули несколько человек: Джерри Грахфогель просунул голову в дверной проем и чуть ее не лишился (спросил, когда я планирую освободить кабинет); Дуббс, смотритель, пришел сменить номер комнаты на 75; Хиллари Монумент, заведующий кафедрой математики, зашел, чтобы спокойно покурить в стороне от неодобрительных взглядов заместителей; Грушинг – взять несколько учебников и прочесть мне непристойное стихотворение Рембо; Марлин – отдать классный журнал; Китти Чаймилк – спросить, как у меня дела.

– Нормально, – буркнул я. – Даже мартовские иды еще не пришли. А тогда бог знает, что случится.

Я закурил. Буду курить, пока дают, сказал я себе. Когда сюда вторгнется Дивайн, спокойно выкурить сигарету можно будет, лишь урвав драгоценные секунды.

Китти излучала сочувствие.

– Пойдемте в столовую, – предложила она. – После еды вам полегчает.

– Ну да, чтобы Зелен-Виноград, поедая обед, буравил меня взглядом?

По правде говоря, я собирался заскочить в «Жаждущего школяра» выпить кружку пива, но теперь душа к этому как-то не лежала.

– Сходите, – подбодрила меня Китти. – Вам нужно сменить обстановку.

Доступ в «Школяра», вообще говоря, для учеников закрыт. Но этот паб совсем близко от «Сент-Освальда», всего в полумиле, и лишь крайне наивный человек поверит, что половина старшеклассников не заглядывает сюда в обед. Несмотря на суровые наставления Главного, Пэт Слоун, строго следящий за дисциплиной, не слишком обращает внимание на этот запрет. И я тоже. Главное, чтобы ученики снимали форменные пиджаки и галстуки – так можно делать вид, будто мы не узнаем друг друга.

В этот раз там было тихо, всего несколько посетителей. Я узрел Дуббса, смотрителя, в компании мистера Роуча, историка, который носил длинные волосы и любил, чтобы школьники называли его Робби, и Джимми Ватта, рукастого, но не блещущего умом школьного разнорабочего.

Увидев меня, он просиял.

– Мистер Честли! Хорошо провели отпуск?

– Да, Джимми, спасибо.

Я давно понял, что не стоит утомлять его долгим разговором. Не все так добры: глядя на его круглое лицо и разинутый рот, легко забыть о его добродушии.

– Что пьете?

Джимми снова просиял.

– Благодарствую, хозяин, полпинты шенди[9 - Шенди – смесь простого пива с имбирным или лимонадом.]. Опосля еще займусь проводкой.

Я понес наши кружки на свободный столик и тут заметил Изи, Тишенса и Кина, сидящих в углу вместе с Пустом, новым учителем физкультуры, Изабель Тапи, которая обожает общаться с новичками, а через два стола от них – мисс Дерзи. Я не удивился, увидев их вместе: в компании не так страшно, а «Сент-Освальд» может и запугать новичков.

Поставив кружку Джимми на стол, я неторопливо подошел к ним и представился.

– Похоже, кто-то из вас будет пользоваться моим классом, – сказал я. – Хотя не очень понимаю, как вы собираетесь преподавать там компьютерные технологии, – добавил я, обратившись к бородатому Тишенсу. – Или это очередной этап выполнения вашего плана унаследовать землю?

Кин усмехнулся. Изи и Пуст выглядели озадаченными.

– Я… у меня неполная нагрузка, – нервно ответил Тишенс. – Я п-п-преподаю м-математику по п-пятницам.

О господи. Если даже я его напугал, то каждую пятницу пятый «Е» будет жрать его заживо. Тошно представить, какой бардак они устроят в моем классе. Мысленно я сказал себе, что надо будет следить за каждым признаком буйства.

– Чертовски хорошее местечко для паба, – сказал Пуст, отхлебнув из кружки. – Буду ходить сюда в обед.

Изи поднял бровь.

– А как же преподавание, или курирование внеклассной работы, или регби и прочее?

– Нам положен обеденный перерыв или нет?

Не просто Медный Лоб, а какой-то Профсоюзник. Боже правый. Только этого нам не хватало.

– Да, но директор… то есть я взял на себя Географическое общество. Я думал, все должны заниматься внеклассной работой.

Пуст пожал плечами.

– Ну, ясное дело, что еще он может сказать? А я вам говорю, что не собираюсь отказываться от обеденной пинты ради внеклассных игр и воскресных матчей. Что здесь, Колдиц[10 - Колдиц – замок в Германии, где во время Второй мировой войны был лагерь военнопленных. Известен тем, что побег оттуда был невозможен.], черт побери?

– Да, вам не нужно готовиться к урокам или проверять… – начал Изи.

– Ну так и знал, – раскрасневшись, перебил Пуст, – типичный, черт возьми, школьный подход. Если что-то не связано с бумажками, то работой не считается. Скажу вам откровенно, ребятишки больше получат от моих уроков, чем от того, что выучат чертову столицу Казистана или как там его…

Изи оторопел. Тишенс уткнулся в свой лимонад и не проявлял признаков жизни. Мисс Дерзи уставилась в окно. Изабель бросила на Пуста восхищенный взгляд из-под накрашенных ресниц.

Кин усмехался. Казалось, эта свара доставляет ему удовольствие.

– Ну, а вы? – обратился я к нему. – Что вы думаете о «Сент-Освальде»?

Он посмотрел на меня. Лет двадцать пять – тридцать, худой, темноволосый, с челкой, под темным пиджаком – черная футболка. Для такого молодого человека весьма уверен в себе, и в голосе, хоть и приятном, намек на властность.

– Мальчиком я какое-то время жил неподалеку. Проучился год в местной школе. В «Солнечном береге». По сравнению с ней «Сент-Освальд» – просто другой мир.

Ну, это как раз меня не удивило. «Берег» поедает детей заживо, особенно одаренных.

– Хорошо, что вам удалось оттуда вырваться.

– Да уж, – усмехнулся он. – Мы переехали на юг, и я сменил школу. Мне повезло. Еще год, и это заведение меня бы доконало. Все же это отличный материал для книги, если я, конечно, соберусь ее написать. Куда там Барри Хайнсу.[11 - Барри Хайнс (р. 1939) – английский писатель, драматург, сценарист, опубликовал первый, прославивший его роман, работая школьным учителем.]

Конец света, подумал я. Только начинающих писателей не хватало. Они возникают время от времени, особенно на английской кафедре, и пусть они не такие дуболомы, как Медные Лбы или Профсоюзники, от них обычно одно беспокойство. Робби Роуч в юности был поэтом. Даже Эрик Скунс однажды написал пьесу. И ни один так и не оправился от этого.

– А вы что, писатель? – спросил я.

– Строго говоря, любитель, – ответил Кин.

– Ну да, я так понимаю, что ужастики нынче не столь доходны, – заметил я, поглядывая на Пуста, который с помощью кружки пива показывал Изи свои бицепсы.

Я снова посмотрел на Кина, который следил за моим взглядом. Пока он производит впечатление человека не без способностей. Только бы из него не вышел второй Роуч. Учителей английского часто преследует рок – они упорно претендуют на нечто большее, чем простое преподавание в школе. Кончается это обычно слезами; побег из Алькатраса[12 - Алькатрас – остров в заливе Сан-Франциско, использовавшийся как военная тюрьма, а затем как сверхзащищенная тюрьма для особо опасных преступников. В настоящее время тюрьма расформирована, остров превращен в музей.] – детские игры по сравнению с бегством от преподавания. Я выискивал в Кине признаки разложения, и должен сказать, что на первый взгляд ничего не обнаружил.

– Однажды я написал к-книгу, – вмешался Тишенс. – Она называлась: «Яванская рукопись и другие…»

– А я однажды прочел книгу, – с самодовольной ухмылкой встрял Пуст. – Ничего особенного.

Изи рассмеялся. Казалось, он забыл о своем faux pas[13 - Неловкость, бестактность (фр.).] по отношению к Пусту. За соседним столом Джимми хмыкнул и придвинулся ближе к честной компании, но Изи, отвернувшись, старался не встречаться с ним глазами.

– А если взять Интернет… – Пуст сдвинул свой стул на несколько дюймов, заслонив Джимми, и потянулся за недопитым пивом. – Там можно много чего прочесть, если не боишься ослепнуть. Ну, вы понимаете, о чем я…

Джимми отхлебнул шенди, выглядел он немного удрученно. Не такой уж он тугодум, каким его считают, и, кроме того, оскорбление было очевидным для всех. Я вдруг вспомнил об Андертоне-Пуллите, отщепенце из моего класса, который сидел в классе один и ел свои бутерброды, пока остальные играли в футбол.

Я взглянул на Кина – его лицо не выражало ни одобрения, ни порицания, но в серых глазах светилось понимание. Он подмигнул мне, и я улыбнулся в ответ: забавно, что самый многообещающий из наших новичков оказался «солнышком».

4

Первый шаг – всегда самый трудный. Потом незаконные набеги на «Сент-Освальд» пошли один за другим, придавая мне все больше уверенности, позволяя подобраться все ближе к спортплощадкам, внутренним дворам, наконец, к самим строениям. Проходили месяцы, триместры, и понемногу отцовская бдительность притупилась.

Все шло не совсем так, как он ожидал. Учителя, называвшие его Джоном, относились к нему так же пренебрежительно, как и мальчики, звавшие его Страз. Зимой в Привратницкой было сыро, и нам вечно не хватало денег из-за пива, футбола и его страсти к моментальной лотерее. Несмотря на все его лучезарные идеи, «Сент-Освальд» обернулся для него очередной работой по

хозяйству и ежедневным унижением. И так всю жизнь. Не оставалось времени выпить чаю на лужайке, и мама домой так и не вернулась.

Вместо этого отец сошелся с бесстыжей девятнадцатилетней девицей по имени Пепси, которая работала в городе в салоне красоты, чересчур ярко красила губы и любила веселые компании. У нее было собственное жилье, но она часто оставалась у нас, и по утрам отец бывал невыспавшимся и раздражительным, а в доме пахло холодной пиццей и пивом. В такие дни – да и в другие тоже – не хотелось попадаться ему на глаза.

Хуже всего было субботними вечерами. Пиво подхлестывало отцовский норов, и, оставшись с пустыми карманами после разгульной ночи, он обычно выбирал меня мишенью, чтобы излить свою желчь.

– Ты, чертово отродье, – бормотал он за дверью спальни. – Я даже не знаю, мой ты ребенок или нет. Откуда мне знать-то?

И если по моей глупости дверь оказывалась незапертой, то начиналось: он толкал меня, орал, ругался, после чего следовал мощный замедленный удар кулаком, который в девяти случаях из десяти приходился на стену, и пьянчуга растягивался на полу.

Страха у меня уже не оставалось. Когда-то – да, но ко всему привыкаешь, и теперь его ярость совершенно меня не трогала – так жителей Помпеев не настораживал вулкан, который в урочный час должен был их уничтожить. То, что часто повторяется, становится обычным делом, и можно просто запираться в спальне, а наутро держаться от него подальше.

Вначале Пепси хотела привлечь меня на свою сторону. Иногда она приносила подарки или старалась приготовить обед, хотя готовить совершенно не умела. Но ей не удалось преодолеть мое отчуждение. Не то чтобы она была неприятна мне – со своими искусственными ногтями и выщипанными бровями Пепси была слишком глупой, чтобы испытывать к ней неприязнь или хотя бы обижаться. Нет, меня оскорбляло ее ужасное панибратство, намек на то, что у нас есть нечто общее и однажды мы сможем подружиться.

Именно тогда «Сент-Освальд» и стал моей игровой площадкой. Формально он оставался для меня недоступен, но к тому времени трепетное отношение отца к

этой школе начало сходить на нет, и он с удовольствием закрывал глаза на мои прегрешения, если мне хватало ума не привлекать внимания.

Но все же снисходительность Джона Страза распространялась только на внешнюю территорию «Сент-Освальда». Ключи смотрителя были снабжены аккуратными бирками, каждый лежал на своем месте в стеклянном ящике за дверью Привратницкой, и все труднее становилось бороться с искушением, по мере того как росли любопытство и одержимость.

Маленькая кража, и Школа – моя. С той минуты для меня не существовало запертых дверей. Теперь по выходным можно было бродить по пустынным зданиям с ключом в руках, пока отец смотрел телевизор или сидел с дружками в местной пивной. В результате, когда мне исполнилось десять лет, Школа стала для меня открытой книгой, которую ни один ученик не умел читать так, как я, и не мог пройти по ней – невидимый и неслышимый, – даже не поднимая пыли.

Мне известно, где находятся чуланы для инвентаря, распределительные щиты, архивы. Я знаю все классные комнаты: классы географии с окнами на юг, где летом невыносимо жарко; прохладные, обшитые панелями классы естествознания; скрипучие лестницы; причудливые комнаты в Колокольной башне. Я снова и снова обхожу чердак, Часовню, Обсерваторию с круглым стеклянным потолком, крошечные кабинеты с рядами металлических шкафчиков. На классных досках читаю полустертые фразы-призраки. Я знаю весь персонал – хотя бы понаслышке. Универсальным ключом я отпираю шкафчики. Вдыхаю запах мела и кожи, стряпни, полироли. Примеряю брошенное спортивное снаряжение. Читаю запрещенные книги.

А еще интереснее – и опаснее – исследовать крышу «Сент-Освальда». Огромная, распростертая, на ней, словно на бронтозавре, топорщится каменная черепица. Она – будто небольшой город, с башнями и двориками, которые повторяют башни и дворы лежащей внизу Школы. Над коньком возвышаются большие каминные трубы, коронованные по-императорски; там гнездятся птицы; нахальная бузина пустила корни в сырые трещины и неправдоподобно расцвела, роняя лепестки в щели между черепицами. Там желоба и водостоки, выступы-араукарии, идущие через плоские крыши, световые люки и балкончики, на которые, рискуя, можно попасть с высоких парапетов.

Вначале приходилось осторожничать, памятуя о своей неуклюжести на уроках физкультуры. Но когда ты предоставлен сам себе, проще обрести уверенность,

научиться сохранять равновесие, бесшумно карабкаться по гладкому шиферу и выступающим балкам, с помощью металлических перил перепрыгивать с высокого края на крохотный балкон, а оттуда вниз, по толстому шершавому стволу ползучего растения к желтоватой трубе, поросшей плющом и мхом.

Мне очень нравилась эта крыша, ее перечный запах, ее влажность в сырую погоду, розетки желтого лишайника на камнях. Здесь в кои-то веки можно просто быть собой. Ремонтные лестницы вели к различным входам, но большая их часть – в плохом состоянии, а от некоторых осталась только смертоносная филигрань из ржавчины и металла. Кроме презрения, они у меня ничего не вызывают: всегда можно найти собственные входы в свое королевство – окна, закрашенные десятки лет назад, но все же открывающиеся, веревочные петли вокруг каминных труб, по которым можно взобраться наверх и исследовать все, что внутри, и большие освинцованные каменные водостоки. Я уже не боюсь ни высоты, ни падения. Как ни странно, во мне открылась природная ловкость, на крыше хрупкое телосложение сослужило хорошую службу, и здесь, наверху, нет обидчиков, которые насмехаются над моими тощими ногами.

Отец питал отвращение к ремонту крыши, и мне это было давно известно. Сломанная черепица еще куда ни шло (если до нее можно дотянуться из окна), но латать свинцом водосточный желоб – совсем другое дело. Надо ползти по шиферному скату к дальнему концу крыши, где каменный парапет, и оттуда, на коленях, на высоте трехсот футов, проверить изоляцию желоба. Эту обязанность он вообще не выполнял, находя тысячи отговорок, но, когда оправдания иссякли, до меня дошло, в чем дело. Джон Страз боялся высоты. Вот это счастье.

Понимаете, меня уже тогда пленяли тайны. Бутылка хереса, припрятанная в шкафу, пачка писем в оловянной коробке за филенкой, журналы в запертом картотечном шкафу, список имен в старой бухгалтерской книге. Для меня не существовало приземленных секретов, любая новость завлекала. Мне было известно все: кто обманывает жену, кто страдает нервным расстройством, кто честолюбив, кто читает любовные романы, кто незаконно пользуется копировальной машиной. Если знание – сила, то здесь власть моя была абсолютной.

В то время шел последний триместр в начальной школе «Эбби-роуд». Не скажу, что мне удалось добиться успеха. Было не трудно заниматься, избегать неприятностей, но с кем-то подружиться так и не получилось. Кроме того, хотелось искоренить отцовское северное произношение гласных, подражая –

довольно безуспешно – интонациям и манерам учеников «Сент-Освальда», и в результате ко мне приклеилось прозвище Страз Задавака. Так меня называли даже некоторые учителя: «Страз Задавака», – звенел женский голос в учительской, когда тяжелая дверь распахивалась в духоту, смех и табачный дым. «А, этот чудной ребенок, Страз Задавака».

Надежда на то, что в «Солнечном береге» лучше, была весьма призрачна. Принимали туда в основном детей с Эбби-роуд – унылого квартала муниципальных домов, покрытых смесью штукатурки и каменной крошки, и хлипких многоквартирных строений, где на балконах развешивали белье, а в темных лестничных пролетах всегда воняло мочой. Мы и сами там жили. Было ясно, чего ожидать. Там находился песчаный карьер, загаженный собаками, детская площадка с качелями, вся усыпанная смертоносным битым стеклом, стены, изрисованные граффити, банды мальчишек и девчонок с дурным запахом изо рта и грязными от рождения лицами.

Их отцы выпивали с моим в «Саперах», субботними вечерами их матери ходили с Шарон Страз на танцплощадку «Золушка».

– Постарайся, детка, – говорил мне отец. – Покрутись там немного, и ты скоро к ним приноровишься.

Но стараться не хотелось. Не хотелось приноравливаться к «Берегу».

– Чего же ты хочешь?

Вот в этом-то и заключался вопрос.

Одинокий ребенок, бродивший по гулким школьным коридорам, мечтал, чтобы его имя занесли на Доску почета, мечтал перешучиваться с мальчиками из «Сент-Освальда», изучать латынь и греческий, а не столярное дело и черчение, делать подготовительную работу, а не домашнюю, сидя за большой деревянной партой. За полтора года моя гениальная незаметность стала проклятием; безумно хотелось, чтобы меня увидели, безумно хотелось принадлежать «Сент-Освальду», рисковать больше обычного, надеясь, что однажды «Сент-Освальд» признает меня и возьмет к себе.

И я вырезаю свои инициалы на дубовых панелях трапезной рядом с инициалами многих поколений освальдовцев. По выходным прячусь на задах Игрового Павильона и смотрю спортивные соревнования. Забираюсь на вершину клена, растущего посреди Старого двора, и корчу рожи горгульям, примостившимся на краю крыши. После школы я мчусь в «Сент-Освальд» и смотрю, как мальчики расходятся по домам, слушаю их смех и жалобы, наблюдаю исподтишка за их драками, вдыхаю, словно благовоние, выхлопные газы дорогих машин их родителей. В нашей школе библиотека скудная: главным образом дешевое чтиво и комиксы; а вот в огромной, окруженной аркадой библиотеке «Сент-Освальда» я с жадностью читаю «Айвенго» и «Большие надежды», «Школьные дни Тома Брауна» и «Горменгаст», «Тысячу и одну ночь» и «Копи царя Соломона». Часто беру книги домой – некоторые не покидали здание с сороковых. Больше всего мне нравится «Человек-невидимка». Скитаясь ночами по коридорам «Сент-Освальда», вдыхая оставшиеся от рабочего дня запахи мела и кухни, прислушиваясь к немому эху счастливых голосов и глядя на тени деревьев, падающие на свеженатертые полы, я, томясь пронзительным до боли желанием, совершенно точно знаю, каково ему было.

Понимаете, мне хотелось одного – принадлежать этому миру. Школа «Эббироуд» была захудалой и убогой – жалкая дань либерализму шестидесятых. Но «Солнечный берег» – гораздо хуже. Меня там регулярно колотили за кожаный портфель (в том году все ходили с сумками «Адидас»), за презрение к спорту, за острый язык, за любовь к книгам, за одежду и за то, что мой отец служит в «этой шикарной школе» (то, что он был всего лишь смотрителем, значения не имело). Пришлось научиться быстро бегать и в любых обстоятельствах сохранять присутствие духа. На помощь приходило и воображение: мне представлялось, что я – в ссылке, в отрыве от своих и когда-нибудь меня вернут в мой мир. В глубине души таилась мысль, что если как-то проявить себя, если научиться противостоять издевательствам и унижениям, то в один прекрасный день «Сент-Освальд» радушно примет меня.

Когда мне исполнилось одиннадцать и доктор решил, что мне нужны очки, отец заявил, что это из-за чтения.

Но мне-то ясно, что достигнута очередная веха на пути к «Сент-Освальду»; и пускай теперь не Задавака, пускай Очкарик – это доставляет смутное удовольствие. В ванной я изучаю себя в зеркале и прихожу к выводу, что моя причастность стала заметнее.

Я и теперь так считаю, хотя (на всякий случай) вместо очков ношу контактные линзы. Волосы с тех пор немного потемнели и лучше подстрижены. Одеваюсь тоже хорошо, но не слишком официально – не хочу, чтобы мои старания бросались в глаза. Особенно мне нравится мой голос – отцовский акцент бесследно исчез, но нет и фальшивой утонченности, которая делала меня всеобщим посмешищем, выскочкой, Задавакой. Моя новая личность привлекательна, но не навязчива, я умею слушать других – как раз такие качества необходимы убийце или шпиону.

Так или иначе, моя нынешняя игра доставляет мне удовольствие. Возможно, в глубине души я до сих пор жду, что меня раскроют. Ведь целый день, пока я стараюсь не выдать, что знаю правила, здания и людей, меня потряхивает от возбуждения.

Преподавать же, как ни странно, оказалось легче всего. Благодаря замечательным методам Страннинга в составлении расписания (старшие преподаватели неизменно получают лучшие классы, а новичкам остается всякий сброд) мои классы – самого низкого уровня; поэтому полная нагрузка не слишком обременительна. Я достаточно знаю свой предмет, чтобы одурачить учеников; когда же появляются сомнения, я прибегаю к помощи учебных пособий.

Для моей цели этого достаточно. Никто ни о чем не подозревает. У меня нет гениальных старшеклассников, которые могли бы спорить со мной. Не жду я и проблем с дисциплиной. Здешние школьники сильно отличаются от тех, что ходят в «Солнечный берег», к тому же в моем распоряжении весь дисциплинарный аппарат «Сент-Освальда», который в случае нужды укрепит мои позиции.

Но никакой нужды нет. Эти мальчики – платные клиенты. Они привыкли повиноваться учителям, их проступки – несделанные задания или перешептывания на уроке, не более того. Палка вышла из употребления – она не нужна перед лицом куда большей, невысказанной угрозы. Это даже смешно, на самом деле. Смешно и до нелепости просто. Конечно, это игра, в которой сталкиваются две воли – моя и этого сброда. Мы все знаем, что я ничего не смогу сделать, если они встанут и выйдут из класса. Все мы это знаем, но никто из них не посмеет меня разоблачить.

И все же нельзя впадать в благодушие. Прикрытие у меня хорошее, но малейший неверный шаг может обернуться катастрофой. Например, эта секретарша. Нет, ее присутствие ничего не меняет, но это знак того, что невозможно предвидеть все.

А с Роем Честли нужна особая осторожность. Ни директор, ни Слоун не обращают на меня внимания. С Честли все иначе. Его глаза так же остры, как и пятнадцать лет назад, ум тоже. Мальчики всегда уважали его, в отличие от коллег. О нем еще тогда ходило много сплетен, он играл в них не главную роль, но все же существенную.

Конечно, он уже в возрасте и скоро уйдет на пенсию. Но он не изменился: все та же деланность, та же мантия, твидовая куртка, латинские фразы. Теперь он мне даже нравится – как старый дядюшка, с которым не виделись много лет. Но я вижу его сквозь личину. Я знаю, что он – враг.

Мне почти хотелось услышать, что он уходит. Это изрядно облегчило бы жизнь. Но после сегодняшнего дня его присутствие даже в радость. Приятно обостряет ситуацию. Кроме того, мне нужно, чтобы Рой Честли присутствовал в тот день, когда я разрушу «Сент-Освальд».

5

Школа для мальчиков «Сент-Освальд»

Вторник, 7 сентября

В первый день занятий в школе царит какой-то особый хаос. Кто-то опоздал, кто-то потерялся; надо разобраться с учебниками, раздать письменные принадлежности. Обмен классными комнатами не помог; в расписании не учли новую нумерацию комнат, а дополнительную памятку никто не читал. Несколько раз я останавливал колонны школьников, шагавших к новой немецкой кафедре вместо Колокольной башни, и отправлял их, куда нужно.

Доктор Дивайн выглядел крайне озабоченным. Я, конечно, еще не освободил свой кабинет; все архивные шкафы заперты, а ключ только у меня. Кроме того, там классные журналы, детские каникулярные работы, платежные чеки, ждущие отправки в Казначейство, ключи от шкафчиков (ключи нужно раздать), места, которые нужно закрепить за учениками, – в общем, правила, которые полагается соблюсти.

К счастью, в этом году у меня нет новых классов. Мои ребята – всего их тридцать один – старые каторжники, они знают, чего им ждать. Они привыкли ко мне, а я к ним. Среди них Пинк, спокойный остроумный парень с недетским чувством юмора, и его приятель Тэйлер; мальчишки Броди[14 - По аналогии с девицами Броди – школьницами, любимицами учительницы Дж. Броди из романа английской писательницы Мюриел Сары Спарк (р. 1918) «Мисс Джин Броди в расцвете лет».] – Аллен-Джонс и Макнэйр, пара оригинальных шутников, которые умеют рассмешить меня так, что я оставляю их после уроков гораздо реже, чем они этого заслуживают; еще рыжий Сатклифф; Ниу, японец, играющий в школьном оркестре; Коньман, которому я не доверяю; крошка Джексон, который регулярно влезает в драки; большой Брейзноус, раздразнить которого ничего не стоит, и Андертон-Пуллит, умница-одиночка, неповоротливый, страдает разными видами аллергии, включая, если верить ему, специфическую форму астмы, которая освобождает его от спортивных занятий, равно как и от математики, французского, религиоведения, домашних заданий по понедельникам, классных собраний и посещения часовни. Есть у него также обыкновение повсюду таскаться за мной (что дает Китти Чаймилк повод для шуток о моем Закадычном Дружке) и вынуждать меня слушать о его бесчисленных увлечениях (самолеты Первой мировой, компьютерные игры, музыка Гилберта и Салливана). Как правило, я не очень сопротивляюсь: он странный мальчик, отвергнутый одноклассниками, ему, наверное, одиноко, но, с другой стороны, у меня хватает работы и нет никакого желания проводить свободное время в компании Андертон-Пуллита.

Конечно, привязанность школьников тоже дело преподавателей, которое они улаживают, как могут. Время от времени каждый из нас становится объектом излияний, даже учителя вроде меня и Хиллари Монумента – весьма, признаюсь, непривлекательная пара, и не заподозришь, что дети станут липнуть. Каждый из нас по-разному справляется с этим, хотя Изабель Тапи, по-моему, даже поощряет мальчиков, у нее полно Закадычных Дружков, как и у Робби Роуча и Пенни Нэйшн. Лично я полагаю, что резкие манеры и добродушное пренебрежение обычно пресекают попытки фамильярничать со стороны всяких Андертон-Пуллитов.

И все же не так уж он и плох, этот третий «Ч». За каникулы мальчики подросли, некоторые выглядят почти взрослыми. Казалось, я должен бы почувствовать себя стариком, но нет – вместо этого я невольно горжусь. Мне нравится думать, что я отношусь ко всем одинаково, но у меня появилась особая нежность к этому классу, который провел со мной последние два года. Приятно думать, что мы понимаем друг друга.

– Ну-у-у! – раздались стоны, когда я вручил каждому тест по латыни.

– Сегодня же первый день!

– Может, лучше викторину?

– Может, поиграем на латыни в «виселицу»?

– Когда я научу вас всему, что знаю, мистер Аллен-Джонс, тогда у нас, возможно, найдется время поиграть в угадайку.

Аллен-Джонс усмехнулся, и я заметил, что на обложке учебника латыни, там, где место для номера классной комнаты, он написал: «Комната, ранее известная как 59-я».

Раздался стук в дверь, и показалась голова доктора Дивайна.

– Мистер Честли!

– Quid agis, medice?[15 - Как поживаете, доктор? (лат.)]

Класс захихикал. Зелен-Виноград, не тронутый классическим образованием, был явно раздосадован.

– Извините за беспокойство, мистер Честли. Можно вас на несколько слов?

Мы вышли в коридор, но я продолжал наблюдать за классом сквозь дверное стекло. Макнэйр уже начал что-то писать на парте, и я предупреждающе постучал по стеклу.

Зелен-Виноград не сводил с меня укоризненного взора.

– Я рассчитывал сегодня утром переоборудовать рабочую комнату кафедры, – начал он. – Ваши архивные шкафы…

– Я ими займусь, – ответил я. – Не беспокойтесь.

– И потом, ваш стол, книги, не говоря уже о громадных растениях…

– Да вы распоряжайтесь там, как дома, – беззаботно сказал я. – Не обращайте внимания на мое барахло. – В этом столе лежали рассортированные письменные работы за тридцать лет. – Может, вы не откажетесь перенести некоторые папки в архив, если у вас найдется время, – предложил я.

– Нет, – гавкнул Дивайн. – И раз уж об этом зашла речь, может, вы скажете мне, кто снял новый номер 59 с двери нашей рабочей комнаты и заменил его вот этим?

Он сунул мне картонку, на которой было написано: «Комната, ранее известная как 75-я» – цветистыми (и очень знакомыми) мальчишескими каракулями.

– Увы, доктор Дивайн. Не имею ни малейшего представления.

– Что ж, это всего лишь воровство. Табличка стоит четыре фунта. Сто тринадцать фунтов на двадцать восемь комнат, шесть номеров уже исчезли. Не знаю, Честли, чему вы ухмыляетесь, но…

– Вы сказали, ухмыляюсь? Вовсе нет. Подделка номеров комнат – это очень прискорбно.

На этот раз удалось сохранить серьезный вид, но Зелен-Виноград явно мне не верил.

– Ладно, я проведу расследование и буду вам весьма благодарен, если вы тоже поищете нарушителя. Такого нельзя допускать. Позор. От службы безопасности осталось одно название.

Доктор Дивайн хочет установить в Среднем коридоре видеокамеры – как бы в целях безопасности, а на самом деле, чтобы за всеми следить: кто позволил мальчикам смотреть крикет вместо подготовки к экзамену, кто решает кроссворд во время проверки домашних заданий, кто всегда опаздывает на двадцать минут, кто норовит улизнуть, чтобы выпить кофе, кто не следит за дисциплиной, кто готовит рабочие материалы заранее, а кто – по ходу дела.

Да, ему очень хотелось бы все это заснять и получить неопровержимые доказательства наших мелких провинностей, нашего несоответствия. А потом продемонстрировать (например, школьной инспекции), что Изабель Тапи часто опаздывает на уроки, что Грушинг порой вообще забывает явиться. Что Эрик Скунс иногда срывается и бьет мальчиков кулаком по голове, что я редко пользуюсь наглядными пособиями и что Грахфогель, несмотря на свои передовые методы, не справляется с классом. Я-то все это знаю, а Дивайн только подозревает.

А еще я знаю, что у матери Эрика – болезнь Альцгеймера и он борется за право держать ее дома, что у жены Грушинга рак, что Грахфогель гомосексуалист и живет в страхе. Зелен-Виноград, гордо уединившись на бывшей классической кафедре, не имеет об этом ни малейшего понятия. Более того, ему наплевать. Его игра – информация, а не понимание.

После ужина я осторожно, с помощью отмычки, проник в шкафчик Аллен-Джонса. Конечно же, все шесть дверных табличек оказались там, а также набор маленьких отверток и выкрученные шурупы – все это я изъял. Попрошу Джимми в обед привинтить таблички обратно. Дуббс стал бы задавать лишние вопросы, а то и донес бы доктору Дивайну.

Предпринимать что-либо я не считал нужным. Если у Аллен-Джонса есть хоть капля здравого смысла, он ни о чем не заикнется. Запирая шкафчик, я заметил пачку сигарет и зажигалку, спрятанные за «Юлием Цезарем», но решил закрыть на это глаза.

Большую часть дня я был свободен. Я бы с удовольствием остался у себя в классе, но Тишенс вел там урок математики у третьего класса, так что я отправился в комнату отдыха (там, к сожалению, не покуришь), чтобы уютно поболтать с кем-нибудь из подвернувшихся коллег.

Комната отдыха, конечно, неверное название. Что-то вроде общего кабинета, посредине – столы, а вдоль стен – шкафы. В этой комнате рождаются слухи и сплетни, хотя приходят сюда под предлогом проверки работ. Есть у нее и то преимущество, что она располагается точно под моей, и благодаря этому счастливому совпадению можно, если надо, оставить класс работать самостоятельно и без разговоров, а самому пить чай или читать «Таймс» в мирной обстановке. Внизу отчетливо слышен любой звук, узнаваем любой голос, и для меня минутное дело спуститься вниз, поймать с поличным и наказать нарушителя. Именно так я заработал репутацию всеведущего, которая весьма мне на руку.

В комнате отдыха я застал Криса Кина, Китти Чаймилк, Робби Роуча, Эрика Скунса и Пэдди Макдоноу, ведущего уроки религии. Кин читал, время от времени делая пометки в красном блокноте. Китти и Скунс заполняли табели успеваемости. Макдоноу листал «Энциклопедию демонов и демонологии». Порой мне кажется, что он слишком серьезно относится к своей работе.

Роуч был погружен в «Миррор».

– Еще целых тридцать семь, – сказал он.

Тишина. Поскольку никто не переспросил, он пояснил:

– Тридцать семь рабочих дней до середины триместра.[16 - В середине триместра устраивают короткие каникулы.]

Макдоноу фыркнул:

– Что-то не припомню, когда это ваши дни были рабочими.

– Свою часть я уже выполнил, – сказал Роуч, переворачивая страницу. – Не забывайте, что с августа я был в школьном лагере.

Летний лагерь был вкладом Робби во внешкольную программу: каждый год он уезжал на микроавтобусе с мальчиками в Уэльс на три недели, ходил с ними в пешие и байдарочные походы, играл в пейнтбол и занимался картингом. Все это он любил – там он всегда ходил в джинсах, и дети называли его по имени – и все

равно утверждал, что с его стороны это великая жертва, дающая право бездельничать все остальное время.

– Лагерь! – насмешливо воскликнул Макдоноу.

Скунс взглянул на них с неодобрением.

– Я полагаю, мы находимся в комнате отдыха, – ледяным тоном подчеркнул он и снова уткнулся в свои табели.

На минуту воцарилось молчание. Эрик – славный малый, но характер у него переменчивый; вообще он и сам может сплетничать взахлеб, сегодня же был мрачен. Должно быть, из-за пополнения на французской кафедре, решил я. Мисс Дерзи молода, тщеславна и умна – еще один человек, которого придется опасаться. К тому же она – женщина, а ветеранам не нравится работать бок о бок с женщиной на тридцать лет моложе. Пятнадцать лет он ждал повышения в любой момент, но теперь его не получит. Слишком стар и к тому же несговорчив. Это знают все, кроме него самого, и любая перемена в составе кафедры только напоминала ему о том, что он не молодеет.

Китти весело посмотрела на меня, подтвердив мои подозрения.

– Кучу всякой канцелярщины не доделали, – прошептала она. – В прошлом триместре была неразбериха, и почему-то эти отчеты пропустили.

Она имеет в виду, что пропустил их Грушинг. Я видел его кабинет – забитый никчемными бумагами, нужные папки тонут в море непрочитанных записок, утерянных курсовых, тетрадей, старых кофейных чашек, экзаменационных работ, ксерокопий и бессмысленных каракулей, которые он чертит, разговаривая по телефону. Возможно, мой кабинет выглядит так же, но я, по крайней мере, знаю, что где лежит. Грушинг просто захлебнулся бы, если бы Китти его не выручала.

– Что скажете о новенькой? – задал я провокационный вопрос.

– Больно умна для своего блага, – с раздражением ответил он.

Смущенно улыбаясь, Китти объяснила:

– У нее новые идеи. Я уверена, она здесь хорошо устроится.

– Грушинг превозносит ее до небес, – насмешливо добавил Скунс.

– Кто бы сомневался.

Грушинг – большой ценитель женской красоты. Поговаривают, что Изабель Тапи ни за что не взяли бы на работу, если б не мини-юбка, в которой она пришла на собеседование.

Китти покачала головой.

– Наверняка она прекрасно справится. У нее полно идей.

– Сказал бы я, чего у нее полно, – проворчал Скунс. – Но ее взяли по дешевке, так ведь? Не успеем опомниться, как нас заменят прыщавыми выскочками с грошовыми дипломами. И сэкономят кучу денег.

Я заметил, как усмехается Кин, слушая и по-прежнему записывая. Материальчик для великого британского романа, подумал я. Макдоноу изучал своих демонов. Робби Роуч с кислым видом согласно кивал.

Китти, как всегда, постаралась всех примирить.

– Ну, всем нам придется подтянуть пояса, – сказала она. – Даже смета на учебники…

– Тоже мне, удивили! – прервал ее Роуч. – Кафедру истории урезали на сорок процентов, в моем классе протекает потолок – просто позор. У меня полная нагрузка, а они что делают? Выбрасывают тридцать тысяч на никому не нужные компьютеры. А крышу починить? А покрасить Средний коридор? А как насчет ди-ви-ди-проигрывателя, о котором я прошу уже бог знает сколько?

– Часовне тоже нужен ремонт, – ворчливо напомнил Макдоноу. – Нужно снова повысить плату за обучение, вот и все. На сей раз этого не избежать.

– Плату не повысят, – вмешался Скунс, забыв о жажде тишины и покоя. – Если мы это сделаем, то потеряем половину учеников. Вы же знаете, что есть и другие школы, и, по правде говоря, получше нашей.

– «Нет, не сошелся клином свет на Риме»[17 - Шекспир У. Кориолан. Акт III, сцена 3. Перевод О. Сороки.],– тихо процитировал я.

– Я слыхал, нас прижали, чтобы мы продали часть школьной земли, – сказал Роуч, допивая кофе.

– Неужели игорные поля? – потрясенно спросил Скунс, заядлый регбист.

– Не площадку для регби, – успокоил его Роуч, – а те поля, что за теннисными кортами. Ими сейчас никто не пользуется, разве что ребята бегают курить тайком. Они же всегда полузатоплены и для спорта все равно не годятся. Так что лучше их продать под строительство или еще для чего.

Строительство. От него добра не жди. Появится какой-нибудь торговый центр, где после школы будут собираться «солнышки», чтобы принять дневную дозу пива и поиграть в кегли.

– Директор не одобрит эту затею, – сухо заявил Макдоноу. – Не захочет он войти в историю как человек, продавший «Сент-Освальд».

– Может, мы перейдем к совместному обучению, – мечтательно предположил Роуч. – Представляете, девочки в форме…

Скунс передернулся.

– Уф! Боже упаси.

Воцарилась тишина, и вдруг сверху донесся шум, топот, скрип стульев и громкие голоса. Я поднял голову.

– Это ваш класс?

Я покачал головой.

– Нет, новенького, бородача-компьютерщика. Его фамилия Тишенс.

– Похоже на то, – сказал Скунс.

Топот и грохот не стихали, затем резко усилились, и, кажется, послышалось невнятное блеяние учителя.

– Схожу-ка загляну туда.

Наводить порядок в чужом классе всегда немного неловко. Обычно я этим не занимаюсь – в «Сент-Освальде» не принято совать нос в чужие дела, но шумели в моей комнате, и я чувствовал смутную ответственность за то, что в ней происходит. Я преодолел подъем в Колокольную башню, подозревая, что делаю это не в последний раз.

По дороге я встретил доктора Дивайна.

– Ваш класс устроил этот жуткий гам?

Меня это сильно задело.

– Конечно, нет, – раздраженно ответил я. – Там новенький, Тишенс. Вот что происходит, когда пытаются нести компьютерную науку в массы. Маниакальное безумие.

– Ну так я надеюсь, вы с этим разберетесь. Я еще в Среднем коридоре услышал шум.

Ничем его не прошибешь.

– Только отдышусь немного, – с достоинством ответил я. – Лестница с каждым годом становится все круче.

Дивайн хмыкнул.

– Если бы вы меньше курили, вам были бы нипочем любые лестницы.

И был таков, прыткий, как всегда.

Встреча с Зелен-Виноградом не подняла мне настроения. Я вошел в класс, не обращая внимания на загнанного кролика за учительским столом, и разозлился, увидев среди учеников несколько своих. Пол был усеян бумажными самолетиками. Одна парта опрокинута. У окна стоял Коньман, разыгрывавший, очевидно, какую-то комедию, потому что остальные просто задыхались от хохота.

При моем появлении сразу воцарилась тишина, я услышал шепот: «Кваз!», и Коньман попытался – но слишком поздно – стащить с себя мантию.

Он посмотрел на меня и испуганно выпрямился. Еще бы. Застукан в моей мантии, в моей комнате, изображающим меня – нет сомнений, чья эта обезьянья гримаса и прихрамывающая походка. Наверняка молится, чтобы провалиться сквозь землю.

Надо сказать, что Коньман меня удивил: хитрый и недоверчивый, он обычно с готовностью предоставлял первенство другим, а сам наслаждался представлением. Тот факт, что даже он осмелился так себя вести, не говорил ничего хорошего о способности Тишенса поддерживать дисциплину.

– Вы. Вон.

Громкий шепот в таких случаях действует сильнее крика.

Коньман немного помедлил.

– Сэр, я не…

– Вон!

Коньман исчез. Я повернулся к остальным и выдержал паузу. Никто не смотрел мне в глаза.

– А вы учтите: если мне еще раз придется появиться здесь по такому же поводу, если я услышу, что кто-то повысил здесь голос, я оставлю после уроков всех – и нарушителей, и их подручных, и безмолвных болельщиков тоже. Ясно?

Головы закивали. Среди учеников я заметил Аллен-Джонса и Макнэйра, Сатклиффа, Джексона и Андертон-Пуллита. Половину моего класса. Я удрученно покачал головой.

– Я был лучшего мнения о вас, третий «Ч». Я считал вас джентльменами.

– Простите, сэр, – пробормотал Аллен-Джонс, уставившись на крышку парты.

– Полагаю, извиниться вы должны перед мистером Тишенсом.

– Простите, сэр.

– Простите.

– Простите.

Тишенс, выпрямившись, стоял на кафедре. Из-за непомерности моего стола он казался еще меньше и неприметнее. Его печальное лицо, казалось, состояло из одних глаз и бороды – не столько кролик, сколько обезьянка-капуцин.

– Я… м-м-м… спасибо, мистер Честли. Я н-наверное… м-м-м… т-теперь с-справлюсь сам. Мальчики… ну…

Выходя из класса, я повернулся, чтобы закрыть дверь, и на мгновение поймал сквозь стекло его взгляд. Он почти сразу отвел глаза, но я успел заметить их выражение.

Никаких сомнений – сегодня я обрел врага.

Пусть тихого, но все же врага. Потом он подойдет ко мне в преподавательской и поблагодарит за вмешательство, но ни один из нас не сможет скрыть тот факт, что его унизили перед классом и я был свидетелем его унижения.

И все же его взгляд испугал меня. Как будто за смешной бородкой и обезьяньими глазками показалось некое тайное лицо – лицо немощной, но непримиримой ненависти.

6

Я чувствую себя ребенком в кондитерской в день выдачи карманных денег. С кого начать? С Грушинга, Слоуна, Честли или Страннинга? Или взять пониже, с толстого Дуббса, который с такой вальяжной спесивостью занял место моего отца? Или с этого придурка Джимми? Или с кого-то из новичков? Или прямо с Главного?

Надо признаться, мне очень нравится эта затея. Но так слишком просто, а кроме того, я хочу нанести удар в самое сердце «Сент-Освальда», а не по его директору. Я хочу разрушить все, а не просто сбить с крыши пару горгулий. Такие места, как «Сент-Освальд», имеют обыкновение возрождаться, войны кончаются, скандалы увядают, даже убийства в конце концов забываются.

Не стану торопиться, лучше подождать вдохновения. Я получаю то же удовольствие от пребывания здесь, что и в детстве: это восхитительное ощущение переступания черты. Мало что изменилось с тех пор: новые компьютеры неловко взгромоздились на новые пластиковые столы, а имена ветеранов «Сент-Освальда» по-прежнему сияют на Доске почета. Пахнет немного иначе – слабее капустой и сильнее пластиком, меньше пылью и больше освежителем, хотя Колокольная башня (благодаря Честли) сохранила прежнюю гамму – мыши, мел и прогретые солнцем кроссовки.

Но сами комнаты остались теми же: и кафедры, по которым учителя расхаживают, словно пираты по шканцам, и деревянные полы с чернильными пятнами, которые каждую пятницу по вечерам начищают до убийственного блеска. И все та же преподавательская с ее ветхими стульями, и зал, и Колокольная башня. Благородная дряхлость, которой упивается «Сент-Освальд»

и, что гораздо важнее, нашептывает о традициях родителям, платящим деньги.

В детстве груз этих традиций ощущался как физическая боль – настолько «Сент-Освальд» отличался от «Солнечного берега» с его безликими классными комнатами и резкими запахами. Мне было плохо в «Береге»: школьники меня избегали, учителя (которые ходили в джинсах и называли нас по имени) – презирали.

Мне хотелось, чтобы меня называли по фамилии – Страз, как это было бы в «Сент-Освальде»; хотелось носить форму и обращаться к ним «сэр». Учителя в «Сент-Освальде» все еще пользовались тростью; моя же школа по сравнению с этими строгостями казалась мягкой и расхлябанной. У нас была учительница, Дженни Макколи. Молодая, славная и очень привлекательная (многие мальчишки теряли от нее голову). Меня же это глубоко обижало. В «Сент-Освальде» учительниц не было – снова приходилось довольствоваться дешевым суррогатом.

Месяцами меня задирали, насмехались надо мной, презирали и учителя, и школьники. У меня крали обеденные деньги, рвали одежду, сбрасывали на пол мои учебники. Очень скоро «Берег» стал для меня невыносим. Не надо было изображать недомогание: в тот первый год грипп валил меня с ног чаще, чем за всю жизнь; меня мучили головные боли и кошмары; каждое утро в понедельник меня так сильно тошнило, что даже отец начал это замечать.

Я помню одну попытку поговорить с ним. Был вечер пятницы, и он для разнообразия решил остаться дома. Это случалось редко, но Пепси начала подрабатывать в городском пабе, у меня был грипп, и он остался и приготовил обед – ничего особенного, полуфабрикаты в упаковке из фольги и жареную картошку, но мне было важно, что он старался. К тому же в тот вечер он был непривычно добрым: шесть банок пива, казалось, залили его обычное раздражение. По телевизору шли «Профессионалы», и мы смотрели их в молчании, на этот раз – дружеском, а не угрюмом. Впереди выходные – целых два дня без «Солнечного берега», и на меня тоже сошла некая умиротворенность. Знаете, бывали и такие дни, когда можно почти поверить, что носить фамилию Страз – это еще не самое страшное, когда появляется надежда увидеть свет в конце этого тоннеля, «Берега», когда веришь, что рано или поздно забудутся все невзгоды. Отец, обхватив бутылку толстыми пальцами, с любопытством наблюдал за мной.

– А можно мне немножко? – спрашиваю я, набравшись смелости.

Он смотрит на бутылку и передает ее мне.

– Хорошо. Но только один глоток, а то окосеешь.

Я пью, смакуя горечь пива. Конечно, мне и раньше случалось его пить, но никогда с одобрения отца. Я улыбаюсь ему, он, к моему удивлению, улыбается в ответ – и выглядит совсем молодым, почти мальчиком, каким был однажды, когда они познакомились с мамой. И мне впервые пришло на ум, что, если бы мы встретились с ним тогда, он бы мне понравился – так же как понравился маме, – большой, ласковый шутник, с которым мы могли бы стать друзьями.

– Мы и без нее живем неплохо. Правда, детка?

Я чуть не задыхаюсь от удивления, услышав его слова. Он прочел мои мысли.

– Я знаю, тебе тяжко приходится. И мама, и вообще, и эта новая школа. Но ведь ко всему привыкаешь, правда, детка?

Я киваю, не смея надеяться.

– И эти головные боли, и вообще. И записки о болезни. У тебя неприятности в школе? Да? Мальчишки пристают?

Я снова киваю. Но знаю, что теперь он отвернется. Отец презирал трусов. «Бей первым, и бей сильно» – его кредо, а также «чем они выше, тем больней им падать», «камни и трости ломают мне кости». Однако на этот раз он не отворачивается. Наоборот, смотрит на меня и говорит:

– Не волнуйся, детка. Я с этим разберусь. Обещаю.

В душе у меня все расцветает буйным цветом. Облегчение, надежда, радость. Отец догадался. Он понял. Он обещал разобраться. Вдруг у меня возникает поразительное видение: отец, восемнадцати футов роста, великолепный в своей ярости и решимости, шагает в ворота «Солнечного берега». Он подходит к моим главным мучителям и стукает их головами друг о друга, подбегает к мистеру

Грубу, учителю физкультуры, и сбивает его с ног; но самое главное и приятное – смотрит на мою бывшую учительницу, мисс Макколи, и говорит: «Подавитесь своей паршивой школой, дорогуша, мы найдем что-нибудь получше».

Папа смотрит на меня со счастливой улыбкой на лице.

– Ты не знаешь, детка, но я тоже через все это прошел. Хулиганы и здоровяки всегда рады над тобой поиздеваться. Я в детстве не был таким большим, как сейчас, и поначалу у меня было мало друзей. Веришь или нет, но я знаю, каково тебе. И знаю, что с этим делать.

Я до сих пор помню эту минуту. Эту блаженную уверенность, это чувство, что порядок восстановлен. Мне снова шесть, я снова доверчивый ребенок, убежденный, что «папа знает, как лучше».

– И что же? – почти беззвучно спрашиваю я.

Отец подмигивает.

– Будешь брать уроки карате.

– Уроки карате?

– Точно. Кун-фу, Брюс Ли, знаешь ведь? Есть один тип, иногда встречаю его в пабе. Ведет занятия по субботам, утром. – И, заметив, как изменилось мое лицо: – Давай, давай, детка. Недели две позанимаешься, и все наладится. Надо бить первым и сильно. И не давать спуску никому.

Я смотрю на него, не в силах выговорить ни слова. Даже сейчас помню бутылку пива в моей руке, словно покрытую холодным потом, Боди и Дойла на экране, которые никому не дают спуску. Напротив, на диване, сидит Джон Страз и весело смотрит на меня, словно предвкушая реакцию – радость и благодарность.

Так вот в чем заключалось его решение. Уроки карате. С его дружком из паба. Это было бы даже смешно, если бы мое сердце не разорвалось. Представляю себе эту субботнюю группу: две дюжины крутых парней из муниципальных домов, воспитанных на «Уличном бойце» и «Кикбоксере II», – если повезет, я

даже наткнусь на кого-нибудь из главных мучителей «Берега» и у них будет возможность избить меня в новой обстановке.

– Ну? – говорит отец.

Он все так же ухмыляется, а я все так же легко вижу его мальчиком, каким он когда-то был: тугодум, ждущий удобного случая задира. Он столь нелепо доволен собой, столь далек от истины, что против ожидания я чувствую не злобу и презрение, но глубокую, недетскую печаль.

– Ага, ладно, – наконец выдавливаю я.

– Говорил же я, что-нибудь да придумаю.

Я киваю, чувствуя горечь во рту.

– Ну, подь сюда, обними своего старого папашку.

И я обнимаю его – с той же горечью, вдыхая запах его сигарет, пота, пива, нафталина от джемпера; и, закрыв глаза, думаю: «У меня никого нет на этом свете».

Как ни странно, было не так больно, как показалось. Мы снова стали смотреть «Профессионалов», и какое-то время пришлось делать вид, будто я хожу на уроки карате, пока внимание отца не переключилось на что-то другое.

Шли месяцы, и моя жизнь в «Солнечном береге» тянулась уныло и однообразно. Приходилось как-то справляться – главным образом все больше избегая ее. Я начинаю прогуливать послеобеденные занятия и скрываться на это время в «Сент-Освальде». Возвращаться туда по вечерам, чтобы посмотреть спортивные состязания или тайком поглазеть в окна. Иногда даже заходить в здание во время уроков. Я знаю там все потайные места; всегда могу незаметно проскочить или даже сойти за тамошнего ученика, надев школьную форму «Сент-Освальда», по частям подобранную или утащенную.

Через несколько месяцев моя смелость уже не знает границ. В школьный День спорта я, надев огромную форменную майку, украденную из шкафчика в

Верхнем коридоре, оказываюсь в толпе. В общей суматохе на меня никто не обращает внимания, этот успех кружит мне голову, и я – я! – побеждаю в забеге младших школьников на восьмисотметровой дистанции, выдав себя за первоклассника из отряда «Амадей». Никогда не забуду, как радостно вопили ребята, увидев меня на финише, или как дежурный учитель – Пэт Слоун, еще молодой, подтянутый, в спортивных трусах и школьной майке, – взъерошил мои стриженые волосы и сказал:

– Молодец, парень, отряду – два очка, а в понедельник запишем тебя в команду.

Конечно, не может быть и речи о моем вступлении в команду. Искушение велико, но все же наглости не хватило. Я и так слишком часто захожу в «Сент-Освальд», и, хотя мое лицо неприметно до невидимости, нет сомнений, что при малейшей неосторожности меня разоблачат.

Но это превратилось в навязчивую идею; со временем я начинаю рисковать по-крупному. Заходить на перемене в Школу и покупать сладости в кондитерской лавке.

Смотреть футбольные матчи, размахивая сент-освальдским шарфом, соревнуясь с болельщиками школы-соперницы. Сидеть в тени крикетного павильона вечным двенадцатым игроком[18 - В крикетной команде играет одиннадцать игроков; двенадцатый – запасной.]. Мне даже удалось попасть на годовую общешкольную фотографию, приткнувшись в углу среди первоклашек.

На второй год нашелся прекрасный способ посещать Школу во время уроков, пропуская физкультуру у себя. Все очень просто: днем по понедельникам мы бежали пятимильный кросс вокруг сент-освальдских игровых полей и возвращались в школу, делая большую петлю. Все, кроме меня, ненавидели те места. Как будто сама земля оскорбляла их, заставляла свистеть и улюлюкать. Иногда после кросса на кирпичной ограде полей появлялись граффити, которые вызывали у меня стыд и ярость при мысли, что кто-нибудь увидит нас и подумает, будто я тоже из этих пачкунов. Но как-то мне пришло в голову, что можно просто спрятаться за кустами, пока остальные пробегают мимо, по своим следам вернуться в «Сент-Освальд» и провести там весь день.

Вначале приходилось осторожничать. Надо было незаметно отстать и засечь время, когда прибегает класс. План продумывался до мельчайших деталей. У

меня было добрых два часа, пока основная часть бегунов не вернется к школьным воротам. Переодеться в форму и пристроиться в хвост группы – легче легкого.

Нас сопровождали двое учителей – один впереди, другой сзади. Мистер Груб, спортсмен-неудачник с непомерным тщеславием и ограниченным умом, благоволил к спортивным ребятам и хорошеньким девочкам и глубоко презирал всех прочих. Мисс Поттс, студентка-стажерка, держалась обычно в хвосте, где устраивала светский раут для кучки обожательниц, который она называла «совещанием». Ни один не обращал на меня внимания и не замечал моего отсутствия.

Под ступенями Игрового Павильона у меня была спрятана украденная форма «Сент-Освальда»: серый джемпер, серые брюки, галстук, темно-синий блейзер (со школьным гербом и надписью «Audere, agere, auferre»[19 - Дерзать, стремиться, побеждать (лат.).], вышитой золотом на кармане); там же приходилось и переодеваться. Никто не видел меня – уроки физкультуры в «Сент-Освальде» проходили по средам и четвергам. И поскольку железное правило – до конца учебного дня вернуться к себе в школу – свято соблюдалось, мое отсутствие не замечали.

Сначала мне хватало пребывания в Школе в учебное время – пока это было в новинку. Можно бродить по коридорам, и никто тебя ни о чем не спрашивает. В некоторых классах шумно. В других царит угрюмое молчание. Сквозь дверное стекло видно, как головы склоняются над партами, как тайно передаются записки. К закрытым дверям и запертым кабинетам можно приложиться ухом.

Но сильнее всего влекла Колокольная башня. Муравейник маленьких комнатушек, куда редко заходили, – кладовки, закутки, хранилища – и две классные комнаты, большая и маленькая, принадлежащие кафедре классики. И ветхий каменный балкон, с которого можно залезть на крышу и лежать на теплой черепице незаметно для всех, слушать гул голосов, доносящийся из открытых окон Среднего коридора, и делать пометки в украденной тетради. Так мне довелось прослушать множество начальных уроков латыни мистера Честли, физику для второго класса, которую вел мистер Слоун, историю искусств мистера Лэнгдона. Мы прочитали «Повелителя мух» с третьим классом Боба Страннинга, и однажды мне удалось положить несколько своих сочинений в его ящик в Среднем коридоре (а на другой день тайно забрать их, проверенными, с оценкой и с пометкой «Фамилия?», нацарапанной сверху красной ручкой).

Казалось, что наконец-то я на своем месте, пусть даже в одиночестве. «Сент-Освальд» и все его сокровища – в моем распоряжении. Чего еще можно желать?

А потом мы познакомились с Леоном. И все изменилось.

Стоял удивительный солнечный день поздней весны – один из тех дней, когда моя любовь к «Сент-Освальду» доходила до неистовой страсти, на которую не способен ни один из его учеников, – и меня переполняла небывалая храбрость. Моя односторонняя война со Школой прошла много этапов. Ненависть, восхищение, злость, домогательство. Этой весной, однако, мы достигли перемирия. «Солнечный берег» все больше отвергался, и мне казалось, что «Сент-Освальд» не сразу, но признает меня, что я плыву по его венам уже не оккупантом, а почти другом, словно вакцина, с виду ядовитая, но на самом деле полезная.

Конечно, еще не улеглась обида на несправедливость, на то, что отец никогда бы не смог себе позволить столько платить за мое обучение, а если бы и смог, меня все равно бы не приняли. Но, несмотря на это, между нами существовали некие отношения. Симбиоз, как у акулы с миногой. Становилось понятно, что не обязательно быть паразитом, что можно позволить «Сент-Освальду» пользоваться мною, как пользуюсь им я. И мне пришло на ум записывать, что происходит в Школе: о разбитых стеклах, расшатавшейся черепице, сломанных партах. Все это переносилось в Ремонтную книгу, хранившуюся в Привратницкой, и подписывалось инициалами разных учителей, чтобы избежать подозрений. Отец по долгу службы чинил неполадки, а меня переполняла гордость за то, что я тоже пусть и немного, но помогаю. «Сент-Освальд» благодарил и одобрял меня.

Понедельник. Я брожу по Среднему коридору, подслушивая у дверей. Урок латыни кончился, и я собираюсь отправиться в библиотеку или в художественные классы, чтобы затеряться среди занимающихся. Или, может быть, в Трапезную – кухонная обслуга к этому времени должна уйти – закусить печеньем, оставленным для учительского собрания.

Я настолько погружаюсь в раздумья, что, свернув в Верхний коридор, чуть не натыкаюсь на мальчика, который стоит под Доской почета лицом к стене, сунув руки в карманы. Года на два старше меня – на вид ему четырнадцать, – с

резкими чертами, умным лицом и блестящими серыми глазами. Заметно, что его каштановые волосы длинноваты для «Сент-Освальда» и кончик галстука, неприлично висящего поверх джемпера, срезан ножницами. Я догадываюсь – с долей восхищения, – что он бунтовщик.

– Смотри, куда идешь, – говорит он.

Впервые сентосвальдовец соизволил обратиться ко мне.

– Ты что здесь делаешь?

Я знаю, что комната в конце Верхнего коридора – учительский кабинет. Мне даже довелось там побывать раз или два: маленькое душное помещение, пол по колено в бумагах, несколько огромных несокрушимых паучников угрожающе топорщат ветви с высокого и узкого окна.

Мальчик ухмыляется.

– Меня Кваз выгнал. Хочу смыться потихоньку, а то оставят после уроков. Кваз никого не бьет.

– Кваз?

Мне знакомо это имя, его упоминали мальчики, болтая после уроков. Я знаю, что это прозвище, но не знаю, чье.

– Живет в Колокольной башне. Похож на горгулью. Не знаешь? – Мальчик снова ухмыльнулся. – Маленько podex, а вообще нормальный. Я с ним договорюсь.

Я смотрю на мальчика с растущим трепетом. Его самоуверенность просто пленяет. Он говорит так, словно учитель для него не грозный властелин, а объект для насмешек. Я немею от восхищения. Более того, этот мальчик – этот бунтовщик, позволяющий себе насмехаться над «Сент-Освальдом», – говорит со мной на равных, не имея ни малейшего представления, кто я на самом деле!

До этой минуты мне никогда не приходило в голову, что я смогу найти здесь союзника. Единственным моим спутником в «Сент-Освальде» было болезненное

одиночество. У меня не было друзей, которым можно что-то рассказать, а поделиться с отцом или Пепси – немыслимо. Но этот мальчик…

Наконец я обретаю дар речи:

– А что такое podex?

Мальчика звали Леон Митчелл. Пришлось сказать, что я первоклассник, Джулиан Пиритс. Я ниже ростом, чем полагается в моем возрасте, так что проще сойти за младшего ученика. Таким образом, Леон не станет спрашивать, почему меня не было на годовом собрании или на физкультуре.

От своего чудовищного обмана я чуть не падаю в обморок – и в то же время дрожу от восторга. Все оказалось так просто. И если можно убедить одного мальчика, то почему нельзя убедить остальных – даже учителей?

Я вдруг воображаю, что становлюсь членом клубов, команд, открыто хожу на уроки. Почему бы и нет? Школу я знаю лучше, чем любой ученик. На мне сент-освальдская форма. С чего бы кому-то приставать ко мне с расспросами? В Школе, должно быть, тысяча мальчиков. Никто, даже директор, не может знать всех. Более того, драгоценные традиции играли мне на руку, никто не слыхал о подобном обмане. Такой чудовищной вещи даже заподозрить не могли.

– А почему ты на урок не идешь? – Серые глаза мальчика ехидно блестят. – Тебе яйца оторвут, если опоздаешь.

В его словах слышится вызов.

– А мне плевать, – отвечаю я. – Мистер Слоун велел отнести в кабинет сообщение. Скажу, что секретарь разговаривал по телефону и пришлось долго ждать.

– Неплохо. Надо запомнить этот прием.

Из-за одобрения Леона я почти теряю бдительность.

– Я все время смываюсь, – говорю я. – И никто еще меня не поймал.

Он, усмехнувшись, кивает.

– А что у тебя сегодня?

У меня чуть не вырвалось: «Физкультура», но я вовремя спохватываюсь.

– Религия.

Леон корчит гримасу.

– Vae![20 - Увы! (лат.)] Тогда конечно. Вообще мне больше нравятся язычники. Им хотя бы разрешали заниматься сексом.

Я хихикаю.

– А кто у вас классный руководитель? – спрашиваю я, чтобы выяснить, в каком он классе.

– Скользкий Страннинг. Англичанин. Настоящий клоун. А у тебя?

Я задумываюсь. Не хочется говорить Леону то, что легко опровергнуть. Но не успеваю я ответить, как позади нас внезапно раздается шарканье. Кто-то приближается.

Леон тут же вытягивается в струнку.

– Это Кваз. Лучше сматывайся, – советует он.

Я оборачиваюсь на шаги, разрываясь между облегчением – теперь не надо отвечать на вопрос о классном руководителе – и огорчением, ведь разговор так быстро прервался. Я стараюсь запечатлеть в памяти лицо Леона: прядь волос, небрежно падающая на лоб, светлые глаза, насмешливый изгиб рта. Смешно и думать, что когда-нибудь мы снова увидимся. Опасно даже пытаться.

Когда учитель появляется в Верхнем коридоре, я принимаю равнодушный вид.

Я знаю Роя Честли только по голосу. Мне доводилось слушать его объяснения, смеяться его шуткам, но лицо удавалось увидеть лишь мельком, на расстоянии. И вот он стоит передо мной – сгорбленный, в потрепанной мантии и кожаных шлепанцах. Я склоняю голову, когда он подходит, но, должно быть, вид у меня виноватый, потому что он останавливается и строго смотрит на меня:

– Что это вы тут делаете? Почему не на уроке?

Я бормочу что-то про мистера Слоуна и сообщение.

Мистера Честли это не убеждает.

– Его кабинет в Нижнем коридоре, а ты где?

– Сэр, мне надо было заглянуть в свой шкафчик.

– Что, во время урока?

– Сэр…

Ясное дело, он мне не верит. Сердце бешено колотится. Осмелившись поднять глаза, я вижу лицо Честли, некрасивое, умное и добродушное лицо с нахмуренными бровями. Мне страшно, но за страхом таится что-то другое – необъяснимая, захватывающая надежда. Он заметил меня? Неужели меня наконец кто-то заметил?

– Как тебя зовут, сынок?

– Пиритс, сэр.

– Пиритс, значит?

Я вижу, как он решает, что со мной делать. То ли допрашивать, как подсказывает чутье, то ли отпустить и заняться собственными учениками. Еще несколько секунд он изучает меня – глаза у него выцветшие, желто-голубые, как грязные джинсы, – и тут я чувствую, что из его пытливого взгляда уходит тяжесть. Он решил, что я не стою его внимания. Мальчишка из младших классов

прогуливает уроки – ничего страшного, и его это не касается. На секунду ярость заслонила привычную осторожность. Значит, я не представляю угрозы? Не стою хлопот?

Или после многолетней игры в прятки у меня получилось наконец превратиться в невидимку – полностью и бесповоротно?

– Ладно, сынок. Чтобы я тебя здесь больше не видел. Беги отсюда.

Мне остается лишь повиноваться, дрожа теперь уже от облегчения. И на бегу я отчетливо слышу за спиной шепот Леона:

– Эй, Пиритс! После школы встретимся, ладно?

Я оборачиваюсь и вижу, как он мне подмигивает.

7

Школа для мальчиков «Сент-Освальд»

Среда, 7 сентября

Драма на корабле: большой и неуклюжий фрегат – «Сент-Освальд» – ударился о риф в самом начале учебного года. Во-первых, объявили дату неминуемой школьной инспекции: шестое декабря. Это всегда действует крайне разрушительно, особенно на высшие эшелоны руководства. Во-вторых – и это, с моей точки зрения, еще разрушительнее, – в то утро доставили жалкое письмо с объявлением о небывалом росте платы за следующий триместр, что растревожило мирно завтракающую публику во всем графстве.

Наш Капитан продолжает утверждать, что это в порядке вещей и соответствует размеру инфляции, однако от разговора на эту тему уклоняется. Отдельные нечестивцы бормотали, что, мол, если бы нас, сотрудников, заранее известили о

предстоящем повышении платы, то лавина гневных телефонных звонков не застала бы нас врасплох тем утром.

Когда Слоуну задали прямой вопрос, он принял сторону Главного. Но он плохо умеет кривить душой. Он не решился появиться в преподавательской и до самого собрания наматывал круги на беговой дорожке, заявив, что потерял форму и ему надо тренироваться. Никто ему не поверил, но, поднимаясь в пятьдесят девятую, через окно Колокольной башни я увидел, что он – крохотная фигурка далеко внизу – все еще бегает.

Мой класс принял известие о повышении платы с обычным здоровым цинизмом.

– Сэр, это значит, что у нас в этом году будет нормальный учитель?

Аллен-Джонса, казалось, совершенно не тронули ни инцидент с номерами классов, ни мои страшные угрозы.

– Нет, это всего лишь означает, что в потайном кабинете Главного будет больше напитков в баре.

Хихиканье. Только Коньман мрачен. Он был наказан за вчерашний проступок, и второй день над ним смеялись, когда он ходил по территории в ярко-оранжевом комбинезоне, подбирая бумажки и складывая в огромный мусорный пакет. Двадцать лет назад Коньмана отлупили бы тростью, а одноклассники его бы зауважали; это показывает, что не все нововведения плохи.

– Мама говорит, что это безобразие. И вообще, есть другие школы, – заявил Сатклифф.

– Конечно, и любой зоопарк с удовольствием вас примет, – рассеянно сказал я, шаря в столе в поисках классного журнала. – Черт, где журнал? Он же был здесь.

Я всегда кладу журнал в верхний ящик. Может, с виду у меня и беспорядок, но я точно знаю, где что лежит.

– А вам когда жалованье повысят? – подал голос Джексон.

– Он уже и так миллионер, – отозвался Сатклифф.

– Потому что никогда не тратится на одежду, – снова Аллен-Джонс.

– И на мыло, – тихо добавил Коньман.

Я выпрямился и посмотрел на него. Наглость на его лице странным образом смешивалась с раболепием.

– Как вам понравилась вчерашняя уборка? – осведомился я. – Не желаете ли вызваться еще на недельку?

– Другим вы такого не говорите, – пробормотал Коньман.

– Потому что другие знают, где проходит граница между шуткой и грубостью.

– Вы придираетесь ко мне. – Голос его стал еще тише. Он избегал моего взгляда.

– Что? – искренне изумился я.

– Вы придираетесь ко мне, сэр. Придираетесь, потому что…

– Потому что – что? – рявкнул я.

– Потому что я еврей, сэр.

– Что?

Я разозлился на самого себя. Углубившись в поиски журнала, я поддался на древний трюк – позволил ученику втянуть себя в открытое противостояние.

Класс молча выжидал, наблюдая за нами.

Я взял себя в руки.

– Чушь. Я придираюсь к вам не потому, что вы еврей. А потому, что вы вечно открываете пасть и в голове у вас stercus[21 - Навоз (лат.).] вместо мозгов.

Макнэйр, Сатклифф или Аллен-Джонс просто посмеялись бы, и все бы уладилось. Рассмеялся бы даже Тэйлер, носивший ермолку.

У Коньмана, однако, выражение лица не изменилось. Наоборот, в нем появилось нечто, чего раньше я не замечал, некое новое упрямство. Впервые он выдержал мой взгляд. Я было подумал, он хочет что-то добавить, но он опустил глаза в своей обычной манере и что-то невнятно пробормотал.

– В чем дело?

– Ни в чем, сэр.

– Вы уверены?

– Совершенно уверен, сэр.

– Ну, хорошо.

Я повернулся к столу. Журнал куда-то запропастился, но я знаю всех своих учеников и сразу вижу, кто отсутствует. И все же я огласил весь список – это учительское заклинание неизменно утихомиривает мальчишек.

Потом я взглянул на Коньмана, но тот сидел с опущенной головой, и на его угрюмом лице не было никаких признаков бунта. Я решил, что спокойствие восстановлено. Кризис миновал.

8

Я долго раздумываю, прежде чем решиться на свидание с Леоном. Я хочу встретиться с ним – больше всего на свете я хочу быть его другом, хотя такой черты мне пересекать еще не доводилось, а в данном случае на карту

поставлено слишком много. Но мне так нравится Леон, понравился с первого взгляда, и это лишает меня остатков благоразумия. В моей школе каждый, кто заговорил бы со мной, схлопотал бы от моих мучителей. Леон же принадлежит другому миру. Несмотря на длинные волосы и искалеченный галстук, он – здешний.

В тот день кросс закончился без меня. Назавтра я подделаю отцовскую записку, где он сообщит, что у меня на бегу случился приступ астмы и впредь он запрещает мне кросс.

Ну и слава богу. Терпеть не могу физкультуру. А особенно – мистера Груба, учителя, с его искусственным загаром и золотой цепочкой на шее, щеголяющего неандертальским юмором перед горсткой прихлебателей за счет тех, кто слаб, неловок, косноязычен, – неудачников вроде меня. И вот, все еще в форме «Сент-Освальда», я прячусь за флигелем и жду, не без опаски, звонка, возвещавшего конец занятий.

Никто меня не замечает, никто не спрашивает, по какому праву я здесь нахожусь. Мальчики – одни в блейзерах, другие в рубашках с коротким рукавом или в спортивной форме – рассаживаются по машинам, спотыкаясь о крикетные биты, обмениваются шутками, книгами, конспектами. Грузный шумный мужчина руководит автобусной очередью – это мистер Слоун, учитель физики, а у дверей часовни стоит пожилой человек в черно-красной мантии.

Я знаю, это доктор Стержинг. Отец говорит о нем с уважением и даже благоговением – ведь именно он взял отца на работу. «Старой школы, – одобрительно отзывался отец. – Крут, но справедлив. Ладно, если новый будет хоть вполовину так же хорош».

Формально я, конечно, ничего не знаю о событиях, которые привели к назначению нового директора. Отец странным образом превращался в пуританина, когда речь заходила о некоторых вещах, и, видимо, считал предательством по отношению к «Сент-Освальду» обсуждать со мной эту тему. Но некоторые местные газеты что-то учуяли, а остальное было легко узнать, подслушивая разговоры отца с Пепси: чтобы избежать нежелательной огласки, старый директор остается на посту до конца триместра – якобы для того, чтобы ввести нового в курс дела и помочь ему освоиться, – после чего он уйдет на приличную пенсию, назначенную Попечительским советом. «Сент-Освальд» не дает пропасть своим: пострадавшая сторона должна быть щедро вознаграждена

без судебного разбирательства – при условии, конечно, что обстоятельства дела не будут упомянуты.

Поэтому, стоя у школьных ворот, я наблюдаю за доктором с некоторым любопытством. Человек с изрытым лицом, лет шестидесяти, не такой грузный, как Слоун, но с той же статью бывшего регбиста, нависает над ребятами, будто горгулья. Убежденный сторонник телесных наказаний, по словам отца: «Тоже хорошая штука, учить этих мальцов дисциплине». У меня в школе трость давно уже вне закона. Вместо этого учителя вроде мисс Поттс и мисс Макколи предпочитают психологический подход – обсуждают с хулиганами и головорезами их эмоции, а потом отпускают с миром, сделав лишь предупреждение.

Мистер Груб, сам хулиган со стажем, предпочитает прямой подход и советует жалобщику: «Прекращай скулить и бейся, господи боже мой». В своем укрытии я размышляю о природе той битвы, в результате которой директор вынужден уйти на пенсию, и подробности этой битвы мне тоже интересны. Любопытство все еще снедает меня, когда через десять минут появляется Леон.

– Эй, Пиритс!

Его блейзер перекинут через плечо, рубашка не заправлена. Обрезанный галстук бесстыдно торчит из-под воротничка, словно высунутый язык.

– Что делаешь?

Сглотнув, я стараюсь отвечать непринужденно:

– Да так, ничего. А что было дальше с Квазом?

– Pactum factum[22 - В соответствии с договором (лат.).],– ухмыляется Леон. – Оставил после уроков в пятницу, как и ожидалось.

– Не повезло. – Я качаю головой. – А за что?

Он отмахивается:

– А, ерунда. Немного самовыразился на крышке парты. Сходим в город?

Я быстро прикидываю. Можно позволить себе опоздать на час: отец на обходе, запирает двери, собирает ключи – раньше пяти домой не вернется. Пепси смотрит телевизор или готовит обед. Она давно уже оставила попытки подружиться со мной. Так что полная свобода.

Попробуйте представить себе этот час. У Леона оказалось немного денег, и мы выпили кофе с пончиками в маленькой чайной на вокзале, потом зашли в магазин пластинок, где Леон окрестил мои музыкальные вкусы «банальными», сам он предпочитал «Стрэнглерз» и «Ску-из». По дороге случился неприятный казус – нам встретились девочки из моей школы, и еще один, даже хуже, – у светофора остановился белый «капри» мистера Груба, а мы как раз переходили улицу, – но вскоре стало ясно, что форма «Сент-Освальда» и правда делает меня невидимкой.

Несколько мгновений мистер Груб находился так близко от меня, что мы могли дотронуться друг до друга. Любопытно, подумалось мне, что случится, если я постучу ему в стекло и скажу: «Вы – полнейший и законченный podex, сэр».

При этой мысли меня разобрал такой смех, что перехватило дыхание.

– Кто это? – спросил Леон, проследив за моим взглядом.

– Да никто. Один тип.

– Я про девчонку, кретин.

– А…

Она сидела рядом с Грубом, слегка к нему повернувшись. Трейси Дилейси, года на два старше меня, нынешняя звезда четвертого класса. На ней была теннисная юбочка, и она сидела, скрестив высоко задранные ноги.

– Банальна.

Мне понравилось словцо Леона.

– А я бы не прочь с ней разок, – сказал Леон.

– Да?

– А ты что, нет?

Передо мной возник образ Трейси, с ее дразнящими волосами и вечным запахом фруктовой жвачки.

– Ну… Может быть, – только и удалось мне промямлить.

Леон ухмыльнулся вслед тронувшейся машине.

Мой новый друг – из отряда «Амадей». Его родители, референт университета и социальный работник, в разводе («ничего, зато в два раза больше карманных денег»). У него есть младшая сестра Шарлотта, собака по кличке Благоразумный Капитан, личный врач, электрогитара и, судя по всему, безграничная свобода.

– Мама говорит, что мне нужно образование вне рамок патриархальной иудео-христианской системы. Ее не слишком устраивает «Освальд», но счета-то оплачивает папа. Сам он учился в Итоне. Говорит, что школа без пансиона – это для пролетариев.

– Точно.

У меня не получилось придумать, что бы такого правдивого рассказать о моих родителях. Да и вообще, часа не прошло, как мы познакомились, а этот мальчик уже занял в моем сердце больше места, чем Джон или Шарон Страз.

И все-таки пришлось их безжалостно изобрести. Мать умерла, отец – инспектор полиции (самая престижная работа, пришедшая мне на ум). Часть года я живу с отцом, а остальное время – с дядей, в городе.

– Мне пришлось начать учиться с середины триместра. Так что я здесь недавно.

Леон кивнул.

– Вот оно что! Я так и думал, что ты новичок. А что случилось в той школе? Выгнали?

Это предположение мне польстило.

– Там просто помойка. Папа забрал меня оттуда.

– А меня из моей последней школы выгнали. Отец жутко разозлился. Там брали по десять тысяч в год. И выгнали за первое же нарушение. Вот тебе и банально. Могли бы и потерпеть, скажи? В общем, есть места и похуже «Освальда». Тем более что этот старый козел Стержинг уходит.

Нельзя было не воспользоваться случаем.

– А почему он уходит?

Леон округлил глаза.

– Да ты и правда новичок, – он понизил голос. – Скажем так, я слышал, что он слишком рьяно размахивал своим стержнем…

Многое переменилось с тех пор, даже в «Сент-Освальде». Тогда можно было замять скандал с помощью денег. Теперь все не так. Сверкающие шпили больше не вызывают у нас благоговейного трепета: за блеском мы видим разложение. И он хрупкий – его можно разрушить, запустив камнем. Камнем или чем-нибудь еще.

Я могу отождествить себя с мальчиком вроде Коньмана. Маленький, худой, косноязычный, явный отщепенец. Одноклассники его сторонятся – и дело не в религии, причина лежит глубже. Ее он не в силах изменить – она таится в чертах

лица, блеклости жидких волос, длинных костях. Наверное, сейчас у его семьи есть деньги, но поколения нищеты намертво засели в нем. Я чувствую. Таких «Сент-Освальд» принимает неохотно и только во время финансовых кризисов. Такой мальчик, как Коньман, не приживется. Он никогда не попадет на Доску почета. Учителя будут постоянно забывать его имя. Его не выберут ни в какую команду. Все его потуги стать своим будут напрасны. Мне слишком хорошо знаком этот взгляд: настороженный, обиженный взгляд мальчугана, который давно перестал добиваться признания. И ему остается одно – ненавидеть.

Конечно, об этой истории с Честли мне стало известно сразу. Молва в «Сент-Освальде» бежит быстро, обо всем становится известно в тот же день. А день для Коньмана выдался на редкость неудачный. На перекличке – стычка с Честли; на перемене – конфликт с Робби Роучем из-за несделанной домашней работы; в обеденный перерыв – шумная ссора с Джексоном, тоже из третьего «Ч», в результате которой Джексона отправили домой со сломанным носом, а Коньмана на неделю исключили.

Когда это случилось, у меня как раз было дежурство по территории. Было прекрасно видно, как Коньман в рабочем комбинезоне с мрачным видом собирает мусор в розарии. Умное и жестокое наказание, унижающее больше, чем переписывание строк или оставление после уроков. Насколько мне известно, так наказывает лишь Рой Честли. Комбинезон такой же, как носил мой отец, а теперь носит слабоумный Джимми: просторный, ярко-оранжевый, хорошо заметный с игровых полей. Тот, кто в него одет, – законная охотничья дичь.

Коньман попытался укрыться за углом здания, но тщетно. Там собрались младшие школьники и потешались над Коньманом, указывая на мусор, который он пропустил. Маленький и агрессивный Джексон, который понимал, что лишь горемыки вроде Коньмана спасают его от нападок, околачивался поблизости с двумя другими третьеклассниками. Пэт Слоун был на дежурстве, но далеко – на другом конце крикетной площадки и в окружении ребят. Роуч, учитель истории, тоже дежурил, но беседа с пятиклассниками, видимо, занимала его гораздо больше, чем нарушения дисциплины.

Самое время подойти к Коньману.

– Несладко тебе приходится.

Коньман угрюмо кивнул. Лицо бледное и болезненное, и только на скулах рдеют красные пятна. Джексон, который наблюдал за мной, отделился от своих товарищей и осторожно приблизился. Смерил меня взглядом, словно прикидывая, велика ли угроза. Так шакалы кружат вокруг умирающего зверя.

– Хочешь вместе с ним? – Мой вопрос прозвучал так резко, что Джексон мгновенно отскочил к своим.

Коньман бросил на меня взгляд, в котором затаилась благодарность.

– Это несправедливо, – тихо сказал он. – Они всегда ко мне цепляются.

Сочувственно киваю.

– Я знаю.

– Знаете?

– Конечно. Я же вижу.

Коньман посмотрел на меня. Темные глаза полыхали, в них светилась немыслимая надежда.

– Послушай, Колин. Ведь так тебя зовут?

Он кивнул.

– Научись драться, Колин. Хватит быть жертвой. Пусть они заплатят.

– Заплатят? – испуганно переспросил Коньман.

– А почему нет?

– Меня накажут.

– Тебя уже наказали.

Он глянул на меня.

– Тогда что ты теряешь?

Прозвенел звонок на урок, и времени на беседу не оставалось, да и не было нужды: семена посеяны. Коньман проводил меня взглядом, полным надежды, и к обеденному перерыву дело было сделано: Джексон лежал на земле, Коньман сверху, к ним несся Роуч с болтающимся на груди свистком, а остальные стояли, разинув рты и дивясь на жертву, которая наконец решилась дать отпор.

Понимаете, мне нужны союзники. Не среди коллег, а из низших слоев «Сент-Освальда». Бей в основание, и верхушка отвалится сама. Меня кольнула жалость к ничего не подозревающему Коньману, который избран для возложения на алтарь, но пришлось напомнить себе, что всякая война чревата потерями и, если все пойдет по плану, их будет гораздо больше, когда «Сент-Освальд» утонет в обломках разбитых идолов и рухнувших надежд.

Конь

1

Школа для мальчиков «Сент-Освальд»

Четверг, 9 сентября

Этим утром класс был необычно послушен, пока я писал список (журнал так и не нашелся) на листке бумаги: отсутствует Джексон, временно исключен Коньман и еще трое участников ссоры, переросшей в весьма неприятный конфликт.

Отец Джексона, конечно, нажаловался. И отец Коньмана тоже: сын утверждал, что лишь ответил на нестерпимые издевательства школьников, поощряемые – по словам мальчика – классным руководителем.

Главный, все еще раздраженный многочисленными жалобами на повышение платы, вяло обещал расследовать это происшествие, и в результате Сатклифф, Макнэйр и Аллен-Джонс, названные главными мучителями Коньмана, провели Большую часть урока латыни у кабинета Пэта Слоуна, а меня через доктора Дивайна пригласили к Главному разъяснить ситуацию, как только смогу.

Конечно, я не пошел. Некоторым, между прочим, надо вести уроки, выполнять различные обязанности, читать материалы – не говоря уже о том, что надо освободить картотеки в новом немецком кабинете, – на что я и указал доктору Дивайну, когда он передал мне сообщение.

И все же меня разозлило неоправданное вмешательство Главного. Это внутреннее дело, из тех, которые могут и должны быть улажены классным руководителем. Да хранят нас боги от праздного начальства, когда директора лезут в вопросы дисциплины, это может кончиться бедой.

Аллен-Джонс так и сказал мне в обеденный перерыв.

– Мы его только подначивали, – говорил он сконфуженно. – Ну, и перегнули немного палку. Вы знаете, как это бывает.

Я знал. И Слоун тоже. И еще я знал, что этого не понимает Главный. Даю голову на отсечение, он подозревает некий заговор. Я предвидел недели телефонных звонков, и писем родителям, бесконечное оставление после уроков, удаления с занятий и прочую административную тягомотину, пока все не уляжется. Досадно. Сатклифф – на стипендии, которую могут отобрать из-за плохого поведения; у Макнэйра – скандальный отец, он не примирится с отстранением сына от занятий; Аллен-Джонс-старший – военный, и его гнев на непокорного сорванца нередко оборачивается побоями.

Если бы все предоставили мне, я быстро бы справился с нарушителями без привлечения родителей, – слушать детей, конечно, плохо, но слушать их родителей – недопустимо. Теперь же момент упущен. В дурном расположении духа я спускался по лестнице в преподавательскую, и когда этот придурок

Тишенс чуть не сбил меня с ног на пороге, я послал его подальше самым изысканным способом.

– Черт побери, кто это вас так допек? – спросил физкультурник Джефф Пуст, развалившийся с «Миррор» в руках.

Я посмотрел, где он сидит. Третье кресло от окна, под часами. Глупо, конечно, но Твидовая Куртка – зверь, охраняющий свою территорию, а я и без того был взбешен до предела. Естественно, новичок мог и не знать, но здесь пили кофе Грушинг и Роуч, рядом Китти Чаймилк проверяла тетради, а Макдоноу читал на своем обычном месте. Все взглянули на Пуста как на грязное пятно, которое забыли стереть.

Роуч кашлянул, приходя мне на выручку:

– Кажется, вы сидите в кресле Роя.

Пуст пожал плечами, но не шелохнулся. Изи, желтолицый географ, сидящий рядом с ним, поедал холодный рисовый пудинг из пластиковой коробки. Кин, будущий романист, смотрел в окно, там виднелась лишь одинокая фигура Пэта Слоуна, бегущего по дорожке.

– Нет, правда, старик, – продолжал Роуч. – Он всегда сидит здесь. Он, можно сказать, старожил этого места.

Пуст вытянул свои бесконечные ноги, заработав томный взгляд Изабель Тапи из угла любителей йогурта.

– Латынь, что ли? – сказал он. – Гомосеки в тогах. По мне, так ежедневный кросс по пересеченке куда лучше.

– Ecce, stercorem pro cerebro habes[23 - Вот, вместо мозгов навоз имеешь (лат.).],– сказал я ему, на что Макдоноу нахмурился, а Грушинг слегка кивнул, словно смутно помнил эту цитату.

Пенни Нэйшн одарила меня сочувственной улыбкой и похлопала по креслу рядом с собой.

– Ладно, – сказал я. – Я все равно ухожу.

Бог свидетель, я был не так уж расстроен. Наоборот, включил чайник и открыл дверцу буфета, чтобы достать свою кружку.

О личности учителя можно многое сказать по его кружке для кофе. У Джефа и Пенни Нэйшн – парные кружки с надписями «CAPITAINE» и «SOUSFIFRE»[24 - Капитан и Подручный (фр.).]. На кружке Роуча – Гомер Симпсон, у Грахфогеля – «Секретные материалы». С мрачным обликом Хиллари Монумента не вяжется надпись «ЛУЧШИЙ В МИРЕ ДЕДУШКА» – неровным детским почерком на пинтовой кружке. Кружка Грушинга была куплена на школьной экскурсии в Париж, на ней фотография поэта Жака Превера с сигаретой. Доктор Дивайн презирает наши скромные сосуды и пьет из директорского фарфора – привилегия посетителей, высшего начальства и Главного; у Слоуна, любимца школьников, каждый семестр – новая кружка с персонажем мультфильма (в этот раз Мишка Йоги), подарок от его класса.

Моя же кружка из тех, что выпустили в небольшом количестве в честь юбилея «Сент-Освальда» в 1990 году. У Эрика Скунса тоже есть такая, и еще несколько у старой гвардии, но у моей – ручка со сколом, что отличает ее от других. На доход от этих кружек мы построили новый Игровой Павильон, так что я с гордостью держу свою. Или держал бы, если бы смог найти.

– Черт подери! Сначала этот чертов журнал, а теперь еще эта чертова кружка!

– Возьмите мою, – сказал Макдоноу (Чарльз и Диана, слегка надколотая).

– Да не в этом дело.

Вот именно: унести кофейную кружку учителя с ее законного места почти так же дурно, как занять его кресло. Кресло, кабинет, классная комната, а теперь еще и кружка. Это настоящая осада.

Кин насмешливо взглянул на меня, когда я налил чай в чужую кружку.

– Приятно узнать, что не только у меня выдался плохой день.

– Вот как?

– Сегодня потерял два своих окна. Заменял Боба Страннинга в пятом «Г». Английская литература.

М-да. Конечно, всем известно, что у мистера Страннинга дел по горло: как второй заместитель Главного и ответственный за расписание, он за многие годы придумал себе целый список курсов, обязанностей, собраний, часы для административной работы и прочие занятия первой необходимости, и у него почти не остается времени для общения с учениками. Но Кин, кажется, способный малый – как-никак выжил в «Солнечном береге», а я видывал крепких мужиков, запуганных тамошними пятиклассниками.

– Я справлюсь, – произнес Кин, когда я посочувствовал. – И кроме того, это неплохой материал для моей книги.

Ах да, книга.

– Ну, хоть на том спасибо, – ответил я, не разобрав, всерьез ли он говорит.

Кину свойственна насмешливая манера – молодой да ранний, – и я вынужден ставить под вопрос все его слова. Но, несмотря на это, мне он куда больше нравится, чем мускулистый Пуст, или льстивый Изи, или трусоватый Тишенс.

– Кстати, вас спрашивал доктор Дивайн, – продолжал Кин. – Что-то насчет старых картотечных ящиков.

– Прекрасно.

Это лучшая новость за весь день. Хотя после шумихи вокруг третьего «Ч» даже травля немцев несколько утратила свою прелесть.

– Он попросил Джимми вынести их во двор, – сказал Кин. – Велел убрать как можно скорее.

– Что?!

– Кажется, он сказал, что они мешают проходу. Вроде бы это противоречит правилам здоровья и безопасности.

Я выругался. Должно быть, Зелен-Виноград действительно решил прибрать к рукам этот кабинет, раз он задействовал правила здоровья и безопасности. Ими мало кто посмеет пренебречь. Я допил чай и решительно направился к бывшему кабинету классической кафедры, где не было никого, кроме Джимми с отверткой в руках, который устанавливал на двери некое электронное оборудование.

– Это зуммер, хозяин, – объяснил Джимми, заметив мое изумление. – Чтобы доктор Дивайн знал, что кто-то стоит у двери.

– Вижу.

В мое время мы просто стучали.

Джимми, однако, был в восторге.

– Когда горит красный свет, значит, что у него кто-то есть, – сказал он. – А если зеленый, он вам сигналит, чтобы вы вошли.

– А желтый?

Джимми нахмурился.

– Если желтый, – наконец нашелся он, – это доктор Дивайн выжидает, чтобы посмотреть, кто там. – Он помолчал, наморщив лоб. – И если это кто-нибудь важный, то он его впускает!

– Очень по-тевтонски.

Я прошел мимо него к себе в кабинет.

Внутри царил явный и неприятный порядок. Новые картотечные шкафы с цветной маркировкой; красивый аппарат для охлаждения воды; большой стол красного дерева, на котором разместились компьютер, девственно чистое пресс-папье и фотография миссис Зелен-Виноград в рамочке. Ковер вычищен, мои

паучники – эти израненные, запыленные, заброшенные бойцы со сквозняками – бесследно удалены, висит чопорная табличка «НЕ КУРИТЬ» и ламинированное расписание заседаний кафедры, дежурств, клубов и рабочих групп.

Я надолго утратил дар речи.

– Вещи ваши у меня, хозяин, – сказал Джимми. – Принести их вам наверх?

Стоит ли суетиться? Я знаю, когда проигрываю. Я побрел обратно в преподавательскую, чтобы утопить в чае свои горести.

2

За несколько недель мы с Леоном стали друзьями. Это оказалось не так уж рискованно, отчасти потому, что мы были в разных отрядах (он в «Амадее», а мне захотелось причислить себя к «Беркби») и в разных классах. Мы встречались по утрам, мне приходилось натягивать форму «Сент-Освальда» поверх собственной школьной одежды – и опаздывать к себе на уроки, заготовив немудреные оправдания.

Физкультуру теперь можно было пропускать – уловка с астмой работала превосходно – и проводить в «Сент-Освальде» перемены и обеденные перерывы. Из меня начал получаться почти настоящий «осси» (или так мне, по крайней мере, казалось): от Леона мне становилось известно все – имена дежурных учителей, сплетни, жаргон. Мы вместе ходили в библиотеку, играли в шахматы, отдыхали на лавочках во внутреннем дворе Школы, как все остальные. С Леоном Школа была моей.

Ничего бы не вышло, будь он общительнее и популярнее, но вскоре выяснилось, что он тоже не совсем уместен там, – хотя иначе, чем я: он держался в стороне по собственному желанию. «Солнечный берег» прикончил бы его за неделю, но в «Сент-Освальде» превыше всего ценился ум, и Леон умело этим пользовался. С учителями он был вежлив и почтителен – по крайней мере, в их присутствии, и вскоре мне стало понятно, какие огромные преимущества это дает ему в передрягах, каковых случалось немало. Леон прямо-таки нарывался на

неприятности, где бы ни находился: его коньком были розыгрыши, мелкая искусная месть, тайные акты неповиновения. Но поймать его почти никогда не удавалось. Если меня можно сравнить с Коньманом, то он был Аллен-Джонсом: симпатяга, плут, неуловимый бунтарь. И все же он любил меня. И все же мы были друзьями.

Было весело придумывать всякие истории о моей якобы предыдущей школе и приписывать себе те роли, которые, как мне казалось, он от меня ожидал. Время от времени в моих рассказах появлялись персонажи из моей второй жизни – мисс Поттс, мисс Макколи, мистер Груб. В словах о Грубе сквозила настоящая ненависть, стоило вспомнить его насмешки, его самолюбование, но особого сочувствия у Леона это не вызывало, хотя слушал он меня внимательно.

– Жаль, что ты не мог с ним справиться, – заметил он, выслушав очередной мой рассказ. – Отплатить ему той же монетой.

– Что ты предлагаешь? Вуду?

– Нет, – задумчиво ответил он. – Не совсем.

К тому времени мы были знакомы чуть больше месяца. Мы чуяли запах конца летнего триместра – запах скошенной травы и свободы; в следующем месяце во всех школах начнутся каникулы (восемь с половиной недель – бесконечный, невероятный срок), и уже не нужно будет менять форму, не будет рискованных прогулок, поддельных объяснительных записок и выдуманных оправданий.

Мы с Леоном уже строили планы: походы в кино, прогулки по лесам, экскурсии в город. Экзамены в «Береге» – куда от них денешься – уже закончились. Уроки проходили вяло, дисциплина расшаталась. Некоторые учителя вообще забросили свои предметы и показывали ученикам Уимблдон по телевизору, другие погрузились в игры и собственные занятия. Смыться в Оз ничего не стоило. Это было счастливейшее время в моей жизни.

А потом разразилась катастрофа. И виной всему дурацкая случайность, не более того. Но она разрушила мой мир, поставила под угрозу все мои надежды, и причиной всему оказался учитель физкультуры мистер Груб.

В радостном возбуждении тех дней он как-то вылетел у меня из головы. На физкультуру больше ходить не надо, к тому же способностей к спорту у меня не было, и казалось, что никто меня там больше не хватится. Физкультура, даже без Груба, была для меня еженедельной пыткой: то швырнут мою одежду в душевую, то спрячут или украдут спортивную сумку, то разобьют очки; мои вялые попытки как-то участвовать в спортивном действе презирались и высмеивались.

Груб сознательно провоцировал эти издевательства, зачастую выбирая меня для «показа», когда каждый мой физический недостаток подчеркивался с безжалостной точностью.

У меня были тощие ноги с торчащими коленками; когда приходилось пользоваться школьным спортивным обмундированием (мое «исчезало» слишком часто, и отец отказался покупать новое), Груб выдавал мне огромные фланелевые шорты, которые так нелепо развевались и хлопали на бегу, что их (и заодно меня) немедленно окрестили Громовые Штаны.

Его прихлебатели сочли это невероятно смешным, и кличка прилипла ко мне намертво. Соответственно, другие школьники решили, что у меня газы, и прозвали Вонючка Страз. Меня ежедневно засыпали шутками о печеных бобах, а на классных состязаниях (во время которых меня никто не хотел брать в свою команду) Груб орал другим игрокам: «Команда, берегись! Страз снова на бобах!»

Мне было, в общем, наплевать на это, да и на физкультурника вроде бы тоже. Если бы не присущая ему настоящая злоба. Ему было мало иметь под рукой клику приспешников и подхалимов. И даже строить глазки девочкам (а при случае и дать волю рукам под предлогом «показа») или унижать мальчишек своими мерзкими шуточками было ему мало. Любой исполнитель нуждается в публике, но Грубу нужно было больше. Он хотел жертву.

После четырех пропущенных уроков физкультуры обо мне, без всяких сомнений, должны были пойти разговоры.

– Где же Громовые Штаны, ребята?

– Не знаем, сэр. В библиотеке, сэр. В туалете, сэр. Освобождение от физкультуры, сэр. Легкие, сэр.

– Скорее уж тяжелые.

Все это в конце концов забылось бы. Груб нашел бы себе другую жертву – их вокруг полно. Толстуха Пегги Джонсен, или конопатый Харольд Манн, или Люси Роббинс с плоским лицом, или Джеффри Стюартс, который бегал по-девчачьи. В конечном счете он мог бы обратить взор на одного из них – и они знали это, на уроках и на собраниях следили за мной с нарастающей враждебностью, ненавидели за то, что мне удалось ускользнуть.

Это они, отщепенцы, не давали погаснуть тлеющим углям, – продолжали так изощряться на тему громовых штанов, столько твердить о бобах и астме, что любой урок без меня стал казаться паноптикумом без уродцев, и мистер Груб наконец что-то заподозрил.

Я не знаю, где он засек меня. Может быть, проследил, как я выскальзываю из библиотеки. Моя осторожность была уже забыта – моя жизнь заполнилась Леоном, а Груб и иже с ним стали для меня лишь тенью. Так или иначе, но на следующее утро он поджидал меня; позже открылось, что он обменялся дежурством с другим учителем, чтобы застукать меня наверняка.

– Ах, какие мы прыткие, и это с астмой! – поймал он меня у входа для опоздавших.

От страха на меня напало полное оцепенение. Он злобно улыбался, как бронзовый тотем жертвенного культа.

– Ну что, мы язык проглотили?

– Простите за опоздание, сэр. – Надо было протянуть время, чтобы что-то придумать. – Мой папа был…

Он навис надо мной, и от него исходило презрение.

– Может, твой папа расскажет мне побольше об этой астме, – сказал он. – Он ведь смотритель в школе, так? Заходит иногда в наш паб.

Дыхание перехватило. На секунду показалось, что у меня действительно астма, что легкие сейчас разорвутся от ужаса. И мне этого даже хотелось – смерть казалась в тот миг несравненно приятнее.

Груб это заметил, и ухмылка стала злой.

– Встретимся у раздевалки после уроков. И не опаздывай.

Весь этот день был окутан туманом ужаса. Внутри все обмякло; невозможно было сосредоточиться, вспомнить, в каком классе занятия, пообедать. К дневному перерыву моя паника достигла такой силы, что мисс Поттс, учительница-практикантка, заметила это и спросила, что со мной. Избавиться от ее внимания не удалось.

– Ничего, мисс. Просто немного болит голова.

– Не только голова. – Она подходит ближе. – Ты ужасно выглядишь…

– Ничего особенного, мисс, правда.

– Наверное, тебе лучше пойти домой. Ты явно чем-то заболеваешь.

– Нет!

Я срываюсь на крик. Если уйду, все станет гораздо хуже. Если не появлюсь у раздевалки, Груб пойдет говорить с отцом, и я уже не смогу избежать разоблачения.

Мисс Поттс хмурится.

– Ну-ка, посмотри на меня. У тебя что-то случилось?

Но я упорно качаю головой. Мисс Поттс еще училась и была не намного старше отцовской подружки. Ей хотелось, чтобы ученики ее любили и уважали; Венди Ловелл, девчонка из моего класса, во время обеда доводила себя до рвоты, и когда мисс Поттс узнала об этом, она позвонила по горячей линии в «Пищевые нарушения». Она то и дело говорила о гендерном мышлении, была знатоком

расовой дискриминации, посещала курсы «Самоутверждения личности», «Кто обижает слабых» и «О вреде наркотиков». Мне было понятно, что мисс Поттс выискивает причину, но ей оставалось проработать в школе только до конца триместра, и, значит, через несколько недель ее здесь не будет.

– Пожалуйста, мисс, – шепчу я.

– Ну давай, солнышко, – вкрадчиво произносит она, – уж мне-то ты можешь сказать.

Секрет был прост, как все секреты. Система безопасности в таких местах, как «Сент-Освальд» – и даже, в какой-то степени, «Солнечный берег», – держалась не столько на детекторах задымления или скрытых камерах, сколько на толстенном слое притворства.

Никто не противостоит учителю, никому и в голову не придет противостоять школе. А почему? Врожденное низкопоклонство перед властью – этот страх намного превосходит страх разоблачения. Учитель всегда «сэр» для своих учеников, сколько бы лет ни прошло; даже становясь взрослыми, мы обнаруживаем, что старые рефлексы не утрачиваются, а только приглушаются, и стоит прозвучать команде, как они снова срабатывают. И кто осмелится бросить вызов этому гиганту? Кто? Невозможно даже представить.

Но мое отчаяние было сильнее. На одной стороне «Сент-Освальд», Леон, все мои мечты и планы. На другой – мистер Груб, нависший надо мной, как Священное Писание. Найду ли я в себе смелость? Смогу ли я справиться?

– Ну, детка, давай же, – умильно продолжает мисс Поттс, не желая упускать возможность. – Мне можно довериться, я ведь никому не скажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Занаду – райская долина, описанная в поэме С. Кольриджа «Кубла Хан». Асгард – в скандинавской мифологии мир богов.

2

«Сотня» – сто триместров, а также сто очков, набранные игроком в крикет. Центурион – игрок, набравший эти сто очков.

3

Лови момент (лат.).

4

Тут учитель – задница (лат.).

5

Вполголоса (ит.).

6

Радуйся, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя (лат.).

7

Серый кардинал (фр.).

8

В академические дни, устанавливаемые администрацией школы, школьники не учатся, а учителя проходят профессиональную подготовку.

9

Шенди – смесь простого пива с имбирным или лимонадом.

10

Колдиц – замок в Германии, где во время Второй мировой войны был лагерь военнопленных. Известен тем, что побег оттуда был невозможен.

11

Барри Хайнс (р. 1939) – английский писатель, драматург, сценарист, опубликовал первый, прославивший его роман, работая школьным учителем.

12

Алькатрас – остров в заливе Сан-Франциско, использовавшийся как военная тюрьма, а затем как сверхзащищенная тюрьма для особо опасных преступников. В настоящее время тюрьма расформирована, остров превращен в музей.

13

Неловкость, бестактность (фр.).

14

По аналогии с девицами Броди – школьницами, любимицами учительницы Дж. Броди из романа английской писательницы Мюриел Сары Спарк (р. 1918) «Мисс Джин Броди в расцвете лет».

15

Как поживаете, доктор? (лат.)

16

В середине триместра устраивают короткие каникулы.

17

Шекспир У. Кориолан. Акт III, сцена 3. Перевод О. Сороки.

18

В крикетной команде играет одиннадцать игроков; двенадцатый – запасной.

19

Дерзать, стремиться, побеждать (лат.).

20

Увы! (лат.)

21

Навоз (лат.).

22

В соответствии с договором (лат.).

23

Вот, вместо мозгов навоз имеешь (лат.).

24

Капитан и Подручный (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/dzhoann-harris/dzhentlmeny-i-igroki-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити